

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

Б. В. Емельянов

БОРИС ЧИЧЕРИН
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2003

УДК 1(091)
ББК Ф02(2)5
Е601

Емельянов Б. В.

Е601 Борис Чичерин: Интеллектуальная биография и политическая философия. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. — 108 с.

ISBN 5—86037—116—0

УДК 1(091)
ББК Ф02(2)5

ISBN 5—86037—116—0

© Б. В. Емельянов, 2003
© Уральский государственный университет, 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Вехи биографии: формирование политической философии Б. Н. Чичерина	6
Концепция русской истории и государственности	39
У истоков отечественной политологии	47
Идеолог русского охранительного либерализма. Взгляды на государство и право	59
Чичерин об истории политических учений	81
Заключение	99
Список цитируемой литературы	102

ВВЕДЕНИЕ

Переломные этапы общественного развития усиливают интерес к историческим реалиям, которые по различным причинам, чаще всего политического характера, не стали объектом серьезного научного изучения. Россия в настоящее время переживает как раз такой период, когда старая социально-политическая система перестала существовать, а новая, испытывая трудности становления, ищет иные, чем прежде, системообразующие основания, пути дальнейшего социально-политического развития страны. Политический спектр современной России предлагает различные варианты решения проблемы развития государства, власти, общества. При этом исходным материалом для них являются предшествующий отечественный опыт демократических и иных преобразований и теоретические наработки русских политологов и государственных деятелей. Все большее внимание привлекает либерально-демократическая модель общественного развития. Как верно замечено в редакционной статье одного из современных политических журналов «Общественные науки и современность», «...когда начинают складываться условия для возрождения либеральных идей, жизненной необходимостью становится систематическое изучение богатой и весьма неоднородной истории русского либерализма, целые пласты которого (прежде всего это дворянский либерализм) пока еще не стали достоянием современного общественного сознания» (1993, № 3, 115).

Одним из самых значительных теоретиков либерально-демократической модели общественного развития был русский политический мыслитель Борис Николаевич Чичерин (1828—1904). Его теоретическое наследие многолико. Он был юристом, философом, историком, политологом в современном смысле этого слова. Как лидер охранительного либерализма и сторонник конституционной монархии, он был персоной *non grata* для марксистской идеологической доктрины, а его либеральная концепция — объектом

социально-политической и философской критики. Поэтому, в силу становящейся традиции восстановления научной справедливости и полноты социально-политической и научной картины общественной и политической жизни России пореформенного периода, его теоретическое наследие актуализируется современной политической наукой.

Б. Н. Чичерин был одной из самых значительных фигур русской философской и политической мысли второй половины XIX в., по таланту, глубине мысли и устремленности к системотворчеству не уступавший В. С. Соловьеву и полемизировавший с ним.

Вот как об этом свидетельствуют современники, близко знавшие Б. Н. Чичерина. В статье, посвященной его памяти, Б. Вышеславцев писал: «Только пророки и философы могут быть учителями жизни, и Россия имеет своих философов. Владимир Соловьев и Борис Чичерин — вот ее представители в мировой мысли. Всякий, кто только вращался в сфере философских идей, признает за ними право считаться самостоятельными мировыми мыслителями... Раскрытие всего значения Чичерина и Соловьева для России есть дело будущего» (Вышеславцев, 1906, 178—179). В статье-некрологе эти мысли повторил Е. Н. Трубецкой: «Как ученый Борис Николаевич превосходил всех своих современников энциклопедическою широтой своих знаний <...> Он был одновременно философом, государствоведом и историком, классическим исследователем в области русского права, автором ценных исследований в области химии и, наконец, публицистом... Как философ он занимал видное место между нашими мыслителями идеалистического направления, среди которых он играл роль патриарха, старейшего представителя <...> Как личность он значил больше всего, им написанного. Общественное значение Бориса Николаевича не исчерпывается тем, что было сделано им для науки. Он представлял собою целое общественное знамя: он был как бы живым воплощением светлых культурных преданий сороковых и пятидесятих годов истекшего столетия» (Трубецкой, 1904, 1—16). Эти высокие оценки подтверждаются анализом его теоретического наследия, и поэтому нам представляется актуальным обозначить вехи его интеллектуальной биографии, его философское наследие, а затем на их основе исследовать теоретический потенциал политической мысли русского ученого, являющийся сегодня наиболее интересным.

ВЕХИ БИОГРАФИИ: ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Б. Н. ЧИЧЕРИНА

Борис Николаевич Чичерин принадлежал к старинному дворянскому роду, происходившему от Анастасия Чичерини, прибывшего в Россию из Италии в 1472 г. со свитой Софьи Палеолог, невесты русского царя Ивана III. Предки Чичерина служили при царском дворе, были крупными военачальниками, участвовали в сражениях под Казанью (1552), Полтавой (1709) и др.

Родился Б. Н. Чичерин 26 мая 1828 г. в Тамбове и до 16 лет жил в родовом имении Караул Кирсановского уезда Тамбовской губернии. Здесь он получил блестящее домашнее образование.

В декабре 1844 г. Чичерин вместе с братом приехал в Москву и после полугодичной подготовки сдал вступительные экзамены на юридический факультет Московского университета. «В то время, когда я вступил в Московский университет, — вспоминал Б. Н. Чичерин, — он находился в самой цветущей поре своего существования» (Воспоминания..., 1991, 25). Славу Московского университета в это время составляла «молодая профессура» — известные ученые историки и правоведы Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, П. Д. Редкий, С. М. Соловьев. Многие из них прошли обучение в Германии.

«Германская наука царила тогда над умами и давала им пищу, которая могла удовлетворить все потребности. В то время не было еще одностороннего господства реализма, который принижает мысль, закрывая пред нею всякие отдаленные горизонты и заставляя ее превратно смотреть на высшие и лучшие стороны человеческого духа. Философское одушевление было еще в полном разгаре. В этой области господствовал гегелизм, увлечавший и старых и молодых» (Там же, 27). Воспитание было индивиду-

альным, для чего использовались не только кафедра, но и неофициальные встречи.

Наиболее доверительные отношения установились у него с преподавателем истории профессором Т. Н. Грановским. Лучшие страницы «Воспоминаний» Чичерин посвятил ему. В них он утверждал: «Если Редкий мог дать толчок философскому мышлению, если у Кавелина можно было научиться основательному изучению истории русского права по памятникам, то широкое историческое понимание можно было получить только от Грановского» (Воспоминания..., 1991, 35). По своим философским взглядам Грановский был гегельянцем, слушавшим лекции в Берлинском университете (см., например: Каменский, 1988; Левандовский, 1989).

Б. Н. Чичерин считал Т. Н. Грановского своим учителем, который привил ему любовь к философии. Как и учитель, он также стал гегельянцем. Еще на студенческой скамье Чичерин проштудировал основные труды Гегеля. К 1847 г. он прочитал его «Философию истории», «Историю философии», затем «Логiku», «Феноменологию» и «Энциклопедию наук», а уже после этого приступил к изучению других философов. «Может быть, правильное было бы поступить наоборот, — пишет он позднее, — начавши с древних мыслителей, с Платона и Аристотеля, которые гораздо доступнее неприготовленному уму. Но, прямо начавши с последнего и труднейшего, я сразу понял, к чему клонится все историческое развитие человеческого мышления, и мог усвоить себе вопросы во всей их современной ширине» (Воспоминания..., 1991, 57).

Это был правильный шаг, высветивший для Чичерина перспективу его философской эволюции, проблематику философских интересов и будущих трудов. «Я убежден, что этот труд был мне в высшей степени полезен: убежден также, что кто не прошел через этот искуc, кто не усвоил себе вполне логики Гегеля, тот никогда не будет философом и даже не в состоянии вполне обнять и постигнуть философские вопросы. Разумеется, я совершенно увлекся новым мирозерцанием, раскрывавшим мне в удивительной гармонии верховные начала бытия. Только в более зрелые лета, при самостоятельной работе мысли, я увидел, в чем состоит его односторонность и каких оно требует поправок и дополнений» (Там же).

В университет Б. Н. Чичерин поступил «искренним сыном православной церкви» (см.: Воспоминания..., 1991, 20). Однако рутинное чтение университетского курса богословия профессором П. М. Терновским привело к тому, вспоминает он, «что я внутри себя к каждому вопросу относился критически, и скоро все мое религиозное здание разлетелось в прах; от моей младенческой веры не осталось ничего... К этому же вело, с другой стороны, и изучение философии, которому я вскоре предался. Передо мною открылось совершенно новое мировоззрение, в котором верховное начало бытия представлялось не в виде личного божества, извне управляющего созданным им миром, а в виде внутреннего бесконечного духа, присущего вселенной» (Там же, 40). Поставленный перед выбором, какое мировоззрение — научное или религиозное — принять, Чичерин «со свойственной юношам решимостью и уверенностью в собственных силах сбросил с себя все свои вынесенные из младенческих лет верования, как устарелый балласт, и смело вступил на путь чисто научного познания» (Там же, 41). Для него начался длительный, не прекращающийся до конца жизни путь освоения философии, истории, юриспруденции.

Но университет выработал у Б. Н. Чичерина не только научное мировоззрение. Он пробудил у него интерес к политике. И опять не без влияния Грановского, интересующегося политическими вопросами дня, созвучными демократическим устремлениям. По словам Чичерина, он «был либерал в самом возвышенном и благородном смысле этого слова» (Чичерин, 1904, 384). А современный исследователь уточняет: «Более точным, по всей вероятности, было бы назвать его провозвестником, предтечей теоретического либерализма в России. Все его наследие, вся его деятельность проникнуты духом либеральных идей» (Приленский, 1995а, 11). Как и его учитель, Чичерин уже в студенческие годы был либералом, верящим в созидательную мощь призванного к политической жизни народа. Французскую революцию 1848 г. он приветствовал как шаг на пути к свободе и равенству. Однако дальнейшее развитие революционных событий привело к изменению его политических симпатий. Позже он вспоминал: «Как двадцатилетний юноша, я, разумеется, сочувствовал крайнему направлению, а потому для меня громовым ударом были июньские дни, когда демократическая масса, в которую я верил, вдруг выступила без всякого повода и без

всякого смысла как разнузданная толпа, готовая ниспровергнуть те самые учреждения, которые были для нее созданы. Когда мятеж был укрощен и водворился Кавеньяк, я сделался умеренным республиканцем и думал, что республика может утвердиться при этих условиях. Но выбор президента окончательно подорвал мою непосредственную веру в демократию. Я по-прежнему остался пылким приверженцем идей свободы и равенства. Я продолжал видеть в демократии цель, к которой стремятся европейские общества: на эту цель указывали и все предыдущее развитие истории, и самые беспристрастные европейские публицисты. Но достижение этой цели представлялось мне уже в более или менее отдаленном будущем. Я перестал думать, что исторические начала могут осуществляться внезапными скачками, и пришел к убеждению, что европейская демократия должна пройти через многие испытания прежде, нежели достигнуть прочных учреждений. Впоследствии более зрелое размышление убедило меня, что будущее, представляемое демократией, может быть только переходною ступенью в развитии человечества» (Воспоминания..., 1991, 58).

В это же время произошло изменение его взглядов на социализм, поскольку итоги революции 1848 г. поколебали его веру в «великое значение социалистических идей для благосостояния низших классов и для осуществления братства на земле» (Там же, 59). В конечном итоге Чичерин приходит к выводу, «что социализм не что иное, как доведенный до нелепой крайности идеализм. В этом смысле он имеет историческое значение; практически же он всегда остается бредом горячих умов, не способных совладеть с действительностью, а еще чаще шарлатанством демагогов, которым нетрудно увлечь за собою невежественную массу, лаская ее инстинкты, представляя ей всякие небылицы и возбуждая в ней ненависть к высшим классам» (Там же).

Революция 1848 г. вызвала сильнейшую реакцию не только в Европе, но и в России. «Если и прежде образованному меньшинству трудно было дышать под правительственным гнетом, — пишет Чичерин, — то теперь дышать стало уже совсем невозможно. Строгости усилились; цензура сделалась неприступной; частные лица, подозреваемые в либерализме, подвергались бдительному надзору» (Там же). По приказанию Николая I были закрыты фи-

лософские факультеты, а преподавание философии в университетах начиная с 1850 г. было запрещено (см. об этом: Емельянов, 1995).

В 1849 г. Чичерин в числе трех самых лучших студентов окончил Московский университет со степенью кандидата прав. Встал вопрос о выборе сферы дальнейшей деятельности. Карьера чиновника его не прельщала: «Сделаться непосредственным орудием правительства, которое беспощадно угнетало всякую мысль и всякое просвещение и которое я вследствие этого ненавидел от всей души, раболепно ползти по служебной лестнице, угождая начальникам, никогда не высказывая своих убеждений, часто исполняя то, что казалось мне величайшим злом, такова была открывающаяся передо мною служебная перспектива» (Воспоминания..., 1991, 83).

Чичерин решил посвятить себя науке и преподавательской деятельности. Успешно сдав магистерские экзамены, он выбирает тему магистерской диссертации — «Областные учреждения России в XVII веке». В 1853 г. Чичерин представляет ее к защите юридическому факультету родного Московского университета. Однако декан факультета профессор С. И. Баршев не допустил его к защите, посчитав исследование диссертанта клеветой на Древнюю Русь. Не пропустил он и отдельную, чисто источниковедческую часть диссертации.

Эта же участь постигла молодого ученого, когда он попытался защитить диссертацию в Петербургском университете. Более двух лет он пробивал бюрократическую рутину Министерства просвещения, но разрешения так и не получил. В 1856 г. Б. Н. Чичерину удалось издать диссертацию книгой, проведя ее через цензуру. Совет Московского университета уже не имел формальных оснований для отказа в защите, и 21 декабря 1856 г. Чичерин защитил диссертацию, получив степень магистра. Эта работа Чичерина получила широкий общественный резонанс, стала новым словом в русской исторической и юридической науке. В своей рецензии Н. Г. Чернышевский отмечал, что Чичерин в несколько месяцев составил себе известность, став в первом ряду среди тех, кто занимался русской историей. Успех редкий и заслуженный. Однако диссертация, посвященная западнику Т. Н. Грановскому, и ее защита вызвали недовольство в лагере славянофилов. Известный

охранитель профессор Московского университета Н. И. Крылов опубликовал в «Русской беседе» (1857, т. 1—2) статью «Критические замечания, высказанные профессором Крыловым на публичном диспуте в Московском университете 21 декабря 1856 года на сочинение г. Чичерина “Областные учреждения России в XVII веке”». А затем с критической статьей «Несколько слов по поводу исторических трудов г. Чичерина» выступил Ю. Ф. Самарин (Русская беседа, 1857, т. 1).

Эти статьи были вызваны не столько научной, сколько публицистической деятельностью молодого ученого, которая началась в период подготовки магистерской диссертации. Поскольку в последние годы правления Николая I цензура притесняла любые проявления свободомыслия, Чичерин вместе с К. Д. Кавелиным решили заняться «рукописной литературой, которая сама собою будет ходить по рукам». В феврале 1855 г. он пишет первую такую «рукописную» статью — «Восточный вопрос с русской точки зрения», которая была опубликована лишь в 1907 г. в приложении к «Запискам князя С. Н. Трубецкого» (СПб., 1907, с. 125—153). Следующая его статья («Священный Союз и австрийская политика») появилась уже в герценовском «Историческом сборнике вольной русской типографии в Лондоне» (Лондон, 1859, кн. 1, с. 145—164). Несколько статей Б. Н. Чичерин опубликовал в герценовских «Голосах из России» (1856—1860), в том числе «Об аристократии, особенно русской», а также «Современные задачи русской жизни». В последней, определяя задачи либерализма, он пишет: «Но что должно разуметь под именем либерализм. Свобода — слово неопределенное. Она может быть и безграничная, и ограниченная, и если безграничной свободы допустить нельзя, то в чем же должна состоять свобода ограниченная? Одним словом, какие меры должно принять либеральное правительство и что должна желать либеральная партия в обществе? Постараемся исчислить главные начала, которые вытекают из понятия о либерализме, и те меры, которые, по нашему мнению, необходимы для благоденствия России. 1. Свобода совести. Это первое и священное право гражданина... 2. Свобода от крепостного состояния, одного их величайших зол, которым страдает ныне Россия... 3. Свобода общественного мнения... 4. Свобода книгопечатания. 5. Свобода преподавания.

6. Публичность всех правительственных действий... 7. Публичность и гласность судопроизводства...» (Чичерин, 1974, 112, 115, 119, 121, 124, 125). Там же опубликована известная своими либеральными идеями, связанными с отменой крепостного права, статья «О крепостном состоянии» и, наконец, своеобразный манифест русского либерализма, написанный Б. Н. Чичериным совместно с К. Д. Кавелиным, — «Письма к издателю». В нем авторы напали на Герцена за оторванность его «социальной пропаганды» от насущных задач общественного движения в России и защищали либеральный путь развития страны. «Мы думаем о том, — писали они, — как бы освободить крестьян без потрясения всего общественного организма, мы мечтаем о введении свободы совести в государстве, об отменении или по крайней мере об ослаблении цензуры. А вы нам толкуете о мечтательных основах социальных обществ, которые едва ли через сотни лет найдут себе приложение, в настоящее же время не имеют для нас решительно никакого практического интереса» (Чичерин, Кавелин, 1856, 21—22). Герцен, как известно, в шестидесятые годы в своей теории «русского социализма» делал ставку на крестьянскую общину, видя в ней зародыши будущего социалистического устройства России. Обращение Герцена к крестьянской общине, к «силам полудиким, еще погруженным в вековую дремоту», было, по мысли авторов «Письма», «мечтательной» теорией. «Вы строите себе фантастическое будущее, — писали они, — в настоящем же вы полагаете свои надежды на еще не развившиеся слои человеческих обществ, на те классы людей, в которых потому-то и можно все найти, что в них еще ровно ничего нет» (Там же, 25). И, наконец, они особо высказались против революционного насилия над историей. «Вы до такой степени забыли историю, — писали они Герцену, — что не видите в ней даже закона постепенности, проникающего все явления. С высокомерным презрением трактуете вы все средние формы и ступени, все посредующие звенья исторической цепи. А между тем эти средние формы составляют жизнь обществ и народов; по ним совершается движение вперед... Неужели же нам нужно напоминать вам, что всякий народ должен воспитаться для известной формы жизни и что история, как природа, не делает скачков» (Там же, 31—32).

В 1856 г. в Москве начал выходить литературно-политический журнал «Русский вестник» — орган либералов-западников. Б. Н. Чичерин принял в его издании самое активное участие, опубликовав уже в первом номере статью «Обзор исторического развития сельской общины в России». Написанная с западнических позиций, она вызвала ожесточенные нападки со стороны славянофилов. Вскоре из-за отказа редактора «Русского вестника» М. Н. Каткова опубликовать его статью о французском историке и социологе А. Токвиле Б. Н. Чичерин прерывает свои отношения с этим журналом, публикуя свои статьи в «Атенес», «Отечественных записках» и других русских журналах.

Когда в 1858 г. Чичерину предложили занять кафедру государственного права в Московском университете, он решил оставить публицистическую деятельность и «вложить свою лепту в основной капитал будущего русского просвещения» (Воспоминания..., 1991, 202). «Чтобы поближе узнать Европу и вместе подготовиться к ученой деятельности», Б. Н. Чичерин уезжает в Европу, намереваясь прослушать курс государственного права в Германии. Обширна была география его поездки. За три года он побывал в Гейдельберге, Берлине, Мюнхене, Праге и Вене, жил во Франции. И везде старался встретиться с самыми известными учеными — юристами, историками, философами, а также политическими деятелями. В частности, он штудировал труды или слушал лекции И. К. Блюнчли, У. Блэкстона, К. С. Цахариэ, Р. Моля, Р. Шмитхеннера, Л. Стифена, встречался с Л. фон Штейном, лидерами чешского национального движения Шафариком, Ганке, Ригером, известными идеологами европейского либерализма И. Пасси, Ш. Дюпон-Уайтом, Л.-А. Тьером. Г. фон Зибелем, писателем и переводчиком Ф. Боденштедтом и др. Кроме того, Чичерин изучал деятельность английских и французских политических институтов. Эти теоретические занятия и встречи, безусловно, оказали влияние на формирование либеральных идей русского ученого.

Не меньшее значение имели его встречи с известными немецкими учеными-естествоиспытателями — Г. Гельмгольцем и Г. Кирхгофом, а также соотечественниками И. М. Сеченовым и Д. И. Менделеевым, пробудившие в нем интерес к естественным наукам и философским проблемам естествознания, который он сохранил до конца жизни.

Чичерин в своей поездке по Европе имел еще одну цель — встречу с А. И. Герценом, которого он знал еще по учебе в Московском университете. «Мне хотелось основательно с ним переговорить о современном положении и посмотреть, нельзя ли направить его в смысле, полезном для России» (Воспоминания..., 1932, 49). Чичерина раздражали, как он вспоминает, «полная его теоретическая несостоятельность», «нелепые социалистические статьи», непоследовательность практических шагов и заявлений от признания себя «верным слугою царю» до призывов к топору. Общение с Герценом в Лондоне убедило Чичерина, что Герцен имел «ум, склонный к едкому отрицанию и совершенно неспособный постичь положительный строй вещей. В практических вопросах дело обстоит еще хуже» (Там же, 51). «Весь этот крупный талант прозябал в бесплодном бесновании, которое могло только сбить с толку неприготовленные и неокрепшие умы» (Там же, 52). Хотя Чичерин расстался с Герценом дружески, вскоре между ними произошел разрыв, ясно отразивший идейные расхождения русских либералов и революционеров. Поводом послужило письмо Чичерина Герцену, которое под названием «Обвинительный акт» было опубликовано в «Колоколе» 1 декабря 1858 г. (№ 29) и «которое явилось протестом русского человека против политического направления лондонской эмиграции». В этом письме Чичерин обвинял революционеров в непоследовательности, слабой теоретической проработке политических заявлений, отсутствии трезвого анализа социального и политического состояния русской жизни. И если вполне естественной была критическая реакция на это письмо со стороны русских революционеров — Н. Г. Чернышевского и его соратников, то выступление против Чичерина другого русского либерала, К. Д. Кавелина, и ряда московских ученых и литераторов — И. К. Бабста, П. В. Анненкова, И. С. Тургенева и других — было неожиданным, поскольку идеи, положенные в основу этого письма, Чичерин и Кавелин (правда, в более мягкой форме) высказывали еще в совместном «Письме к издателю», т. е. Герцену. В большом письме, направленном Чичерину, русские либералы подтвердили справедливость главной мысли его «Обвинительного акта»: «Основная мысль вашего письма как нельзя вернее. После первых взрывов негодования на порядок дел, какой у нас есть,

на лица, которые стоят у нас на первом плане, давным-давно следовало серьезнее подумать о том, что предстоит делать, чего ожидать, по какому направлению идти. К сожалению, не только одна лондонская, но и русская наша мысль с этой стороны сильно смахивает на фразу, мало питая ум» (цит. по: Герцен, 1920, 418). Но их не устраивала, точнее, даже пугала чичеринская оценка революционности Герцена: «Вы особенно упираете на ту фразу в корреспонденции “Колокола”, где крестьяне приглашаются точить топоры, — писали они. — Фраза эта действительно нехороша. Но скажите, пожалуйста, какое право имели вы, выводя из этой фразы, что Герцен желает революции в России, не привести множества других фраз из других номеров “Колокола”, в которых не только корреспонденты, но и сам редактор положительно выражают желание, чтобы предстоящие реформы совершились у нас мирно и спокойно, без крови и жертв» (Там же, 418—419). Кавелина пугала возможность реакции на революционные выступления Герцена, что могло сказаться на отношении правительства к самим либералам. Других, более глубоких, расхождений у Чичерина и Кавелина не обнаруживается. Как пишет В. А. Китаев, «...взятые отдельно от остальных фактов идейной жизни либерального западничества, споры вокруг “Обвинительного акта” можно принять лишь за свидетельство наличия в нем незначительных тактических расхождений, да и то в отношении одной только фигуры — Герцена» (Китаев, 1972, 213).

Прежние отношения с К. Д. Кавелиным Б. Н. Чичерин восстановил после обмена несколькими резкими посланиями, заканчивая одно из них следующими словами: «Я все-таки Россию люблю и посвящу ей свою жизнь и не хотел бы жить вне отечества. Цель моя одна — в частной сфере действовать для общественного развития. Цель эта, разумеется, может быть достигнута только через десятки лет, но в этом только я вижу залог прочного будущего» (Воспоминания..., 1932, 65). А с А. И. Герценом он разошелся окончательно: «Мы с ним теперь могли смотреть друг на друга только как офицеры враждебных армий, но уважающие издали друг друга» (Там же, 67). Это уважение к русскому революционеру Чичерин сохранил на всю жизнь, считая его одним из «честнейших, благороднейших и даровитейших деятелей поколения сороковых

годов» (Воспоминания..., 1932, 68). Вместе с тем, анализируя содержание и политическую ориентацию полемики, а вернее, своеобразной политической акции Чичерина против Герцена, необходимо отметить, что это, во-первых, едва ли не первое выступление русских либералов против левых, революционных сил России. В высказываниях и статьях Чичерина против Герцена было много полемических «натяжек». Чичерин не был прав в оценке теоретического потенциала А. И. Герцена как политического деятеля. Герцен к этому времени уже стал заметной фигурой в русском и европейском освободительном движении, деятельность которого была широко известна, а его вольная печать была в полном смысле «отдушиной» для России, неся бесцензурное и свободолобное слово в массы. И те же либералы неоднократно использовали эту печать.

Во-вторых, А. И. Герцен был не меньшим, чем Б. Н. Чичерин, знатоком гегелевской диалектики и использовал все возможные аргументы, чтобы избежать ненужных крестьянских бунтов. Чичерин не смог увидеть этого, а также понять направление эволюции социалистических и политических взглядов А. И. Герцена, закончившейся знаменитыми «Письмами к старому товарищу».

Когда Чичерин жил в Париже, пришло известие об отмене крепостного права. Это событие открыло перед ученым новые горизонты деятельности. Сворачивая свое пребывание за границей, в письме к брату он в следующих словах сформулировал будущие планы: «Все чужое до смерти надосело... Не презирать отечество с высоты европейского просвещения, а усвоить для него плоды этого просвещения и, может быть, вложить в него лепту, распространить в родной земле хотя бы неслышными и незаметными путями добытые человечеством умственные блага, сеять на тучной, но необработанной русской почве выращенные Европой семена мысли и свободы — такова была задача, которую я себе поставил, такова была отныне цель моей деятельности» (Там же, 126—127).

В начале 1861 г. Совет Московского университета избрал Б. Н. Чичерина исполняющим обязанности экстраординарного профессора кафедры государственного права, и осенью того же года он приступил к чтению лекций. После отмены крепостного права

российское общество жаждало новых перемен. За перемены боролась и студенческая молодежь. Университеты стали центрами распространения материалистических и социалистических идей. Как пишет в своих воспоминаниях о Московском университете Чичерин, «об исправном посещении лекций совершенно перестали думать. Вместо того по рукам ходили беспрепятственно в оригинале и в литографированных переводах сочинения Фейербаха, Бюхнера, Мошотта и всякие социалистические учения... Они выдавались за последнее слово науки» (Воспоминания..., 1929б, 16).

Студенческие волнения столичных университетов, борьба за университетские свободы и новый устав не проходили мимо Чичерина, однако он занял отличную от многих профессоров и общественных деятелей позицию — позицию консервативного либерализма. Ее суть он изложил в нескольких письмах к брату, служившему в Министерстве иностранных дел. Развивая свою формулу о «либеральных мерах и сильной власти», в письме от 11 октября 1861 г. он пишет о необходимости «либеральных мер по всем отраслям общественной жизни». «Но чтобы все это сделать совершенно безвредным, надобно, чтобы над всем этим господствовала сильная власть, которая всегда была бы готова сдерживать непокорных. Закон должен быть широк, но исполнение его должно быть строгое и неперменное» (Там же, 30). Такая позиция была несомненно охранительной и одобрялась царем.

Консервативная позиция Б. Н. Чичерина, которую он не скрывал, вызвала недовольство студентов, которые уже на первой его лекции хотели устроить ему обструкцию. Однако когда Чичерин изложил свою точку зрения на развитие общественных отношений в России, на образование и задачи юношества, мнение аудитории изменилось. В течение своего семилетнего пребывания в стенах Московского университета Чичерин был любимым профессором студентов.

С началом преподавательской деятельности не прекратились публицистические выступления Чичерина. Самой актуальной темой для русской общественной мысли после отмены крепостного права стал вопрос о сословном делении общества, поднятый славянофильской газетой «День». В газете «Наше время» он поместил несколько статей на эту тему, в которых защищал и сословное

земство, и институт дворянства. В своих «Воспоминаниях» он писал: «Отвергая обе противоположные крайности, сословную замкнутость и распушение в массе, я старался доказать, что сословная организация, неуместная в конституционном правлении, в самодержавии имеет существенное значение, что она служит охраною права, опорой и связью рассеянных лиц. Я указывал на то, что русское дворянство создано историею и что упразднить его в настоящее время нет ни малейшей практической нужды, тем более, что у нас почти не существует то среднее состояние, которое в других странах выступило ему на смену. Не подлежало, однако, сомнению, что с освобождением крестьян материальная основа дворянства поколеблена, а с тем вместе должна измениться его политическая роль» (Воспоминания..., 1929б, 69—70). Отмена крепостного права, утверждал Чичерин, изменила роль дворянства в экономической и политической жизни общества, но до его упразднения еще далеко. Выступая с охранительных позиций, он считает необходимым оздоровить его, приняв в дворянское сословие землевладельцев, имсующих не менее 500 десятин земли и окончивших университетский курс. Если же число новых дворян будет слишком быстро расти, необходимо изменить ценз или ввести дополнительные ограничения. Вопрос о дворянстве и его отмене был бы менее болезненным, по мнению ученого, если бы существовала реальная общественная сила третьего сословия. Он был уверен, что «юридическая раздельность сословий уничтожается тогда, когда преобладающее значение получает среднее сословие» (Чичерин, 1862, 93). Появление третьего сословия — это «вечный закон человеческих обществ», и в странах Западной Европы он уже воплощен в жизнь. В России среднее сословие тоже существует. «Беда в том, что оно содержит в себе слишком еще мало просвещенных сил» (Там же, 138). И для его укрепления необходима длительная работа.

Чичерин был одним из самых последовательных идеологов охранительного либерализма и отстаивал его идею в эпоху революционных настроений русского общества 1860-х гг.

Такая позиция ученого не могла не иметь положительной оценки при дворе Александра II. Летом 1862 г. его вторично пригласили преподавать курс государственного права наследнику престола

Николаю Александровичу (в первый раз, в 1859 г., он отказался), Чичерин принял это предложение, разработал программу курса и приступил к его чтению.

В 1864 г. он отправился с наследником в заграничное путешествие, которое окончилось трагически: 12 апреля 1865 г. в Ницце наследник от застарелой травмы позвоночника скончался. А незадолго до этого произошло событие, изменившее мировоззренческую ориентацию Чичерина. Во время путешествия по Италии он тяжело заболел и, находясь при смерти, пересмотрел свое отношение к религии. Позднее он вспоминал, что, будучи приверженцем гегельянства, оставался в течение пятнадцати лет «без всякой религии»: «Под влиянием гегелизма и построенной на нем собственной философии истории, я верил в будущую религию духа, ведущего человека к конечному совершенству; все же существующие и существовавшие религиозные формы я считал преходящими моментами человеческого сознания, не достигшего полноты. Мои исторические исследования убедили меня, что мы в настоящее время стоим на перепутье между двумя религиозными эпохами: между христианством, которое я считал религиею прошлого, и поклонением духу, в котором я видел религию будущего, еще не раскрывшуюся человеку» (Чичерин, 1862, 148). Сейчас же, перед лицом смерти, Чичерину открылось «сознание невозможности для бренного человека отрешиться от живого источника всякой жизни, от того, что дает ему и смысл, и бытие» (Там же, 147), т. е. от Бога. После выздоровления он впервые за многие годы причастился и вернулся в лоно церкви.

Летом 1865 г. Б. Н. Чичерин написал одну из самых своих известных книг — «О народном представительстве» (1-е изд. 1866, 2-е изд. 1899), в которой доказывал, «что теоретически конституционная монархия — лучший из всех образов правления, что к представительному порядку неизбежно стремится всякий образованный народ, но что он требует условий, которые не везде налично» (Чичерин, 1862, 164). В 1866 г. он защитил по ней докторскую диссертацию. Книга не нашла отклика в русском обществе, хотя и разошлась полностью.

В этом же году он продолжил чтение своего курса в Московском университете. Будучи несомненным лидером и идеологом

молодой профессуры, Б. Н. Чичерин почти сразу же включился в борьбу с реакционно настроенным руководством юридического факультета и университета. В знак протеста против их неблагоприятных действий Чичерин вместе с профессорами С. М. Соловьевым, И. К. Бабстом, С. А. Рачинским, М. Н. Капустиным, Ф. М. Дмитриевым подал в отставку, которая вызвала возмущение и протест студентов и широкий общественный резонанс. Александр II был вынужден обратиться к профессорам с просьбой остаться в университете. Б. Н. Чичерин, единственный из подававших в отставку, не изменил своего решения. Осенний семестр 1867 г. был его последним семестром в Московском университете. Студенты и преподаватели дали в честь Чичерина прощальный обед, на котором неоднократно высказывалось сожаление об его уходе.

Вернувшись в частную жизнь, вспоминал ученый, он поставил перед собой две ближайших цели — написать курс государственного права начиная с истории политических учений и заняться делами земства» (см.: Воспоминания..., 1934, 19). Первая задача оказалась выполненной не полностью. Чичерин издал пять томов «Истории политических учений», соответственно в 1868, 1872, 1874, 1877, 1902 гг., но все издание не завершил.

Среди причин, тормозивших эту работу, было абсолютное замалчивание его фундаментального научного труда, не имеющего аналогов ни в отечественной, ни в западной литературе. Этот уникальный труд до сих пор ждет своего исследователя. Помимо своего фактического значения, это было для Чичерина базой его собственной политической и правовой концепции, к созданию которой он приступил в это время.

Вторая задача — участие в работе земских учреждений — была выполнена Чичериным полностью. Вначале его избирают гласным уездного, а затем губернского собрания. Его можно назвать теоретиком и практическим работником земского движения, которому он посвятил двадцать лет плодотворной деятельности. В его представлении, «земство есть цвет дворянства, поставленный в самые благоприятные условия для правильного обсуждения общих вопросов: это — собрание независимых людей, близко знающих дело и совещающихся о тех жертвах, которые они готовы принести для общей пользы» (Там же, 20).

В 1877 г. Чичерин вернулся к занятиям философией, написав и издав интересный труд «Наука и религия», но и эта книга отклика не получила.

Как идеолог либерализма и правовед, он был противником нигилизма и любого проявления насилия — как революционного, так и полицейского, — пытавшегося задушить революционную деятельность. После выстрела В. Засулич, суда над ней и ее оправдания Чичерин написал записку «Дело Веры Засулич» (1878), ходившую в рукописном виде в Москве и Петербурге (см. об этом: Кони, 1933). В ней он ратовал за утверждение в обществе законности. Поражает современность и актуальность его рассуждений. В частности, Чичерин писал: «Правительство, стоящее во главе общества и призванное им руководить, не может ограничиться мертвым формализмом. Оно должно поддержать силу власти, иметь нравственный авторитет. Оно должно идти твердым шагом среди бесчисленных задержек, созданных им самим установленным порядком вещей... Дело не в мерах, а в людях, не в предписании, а в исполнении. Благие намеренья государя не подлежат ни малейшему сомнению; они яркими чертами написаны на каждой странице настоящего царствования. Но исполнение так далеко отстает от намерений, что сердце каждого русского человека не может не быть поражено глубокою скорбью при том зрелище, которое ныне представляет наше Отечество. Все расшаталось; нигде нет ни ясной мысли, ни твердой точки опоры. Умы опошлелись, характеры исчезли, уровень образования понизился» (Воспоминания..., 1934, 97—98).

Оригинальными, отличающимися от общепринятых были взгляды Чичерина на общественно-политическую ситуацию в России после убийства Александра II. В статье, ходившей долгое время в рукописи («Задачи нового царствования»), он в очередной раз подчеркнул необходимость сильной монархической власти, необходимость сдерживания периодической печати. В частности, Чичерин писал: «Если правительство, желая задобрить журналистику, откажется от единственного, находящегося в его руках оружия, от предостережений, то социалистической пропаганде открыт будет полный простор. Напрасно мы будем надеяться, что она встретит противодействие со стороны здоровых элементов обще-

ства. Чтобы противодействовать рассеиваемой под научным филантропическим призраком лжи, нужны мысль, знание, труд; а огромное большинство читающей публики именно потому пробавляется журналами и газетами, что оно само не хочет ни думать, ни работать. При таких условиях громкая фраза и беззастенчивая брань всегда будут иметь перевес... Свобода необходима для научных исследований: без этого нет умственного развития. Но периодическая печать требует у нас сдержки, а не простора. Она составляет самое больное место русского общества» (Воспоминания..., 1934, 125—126). И еще одна заветная мысль-предложение содержалась в этой статье: «Политическая свобода может быть отдаленным идеалом русского человека; насущная потребность заключается единственно в установлении живой связи между правительством и обществом для совокупного отпора разлагающим элементам и для внесения порядка в русскую землю. Эта цель может быть достигнута приобщением выборных от дворянства и земства к Государственному Совету» (Там же, 129).

Осенью 1881 г. Б. Н. Чичерин баллотируется, а в начале 1882 г. избирается московским городским головой, получив при избрании подавляющее число голосов. Свое понимание положения в России, свое политическое и мировоззренческое кредо он изложил в большой речи при вступлении в должность. В частности, он сказал: «По своему характеру, по своим убеждениям я не человек оппозиции. Я держусь охранительных начал, не в том, конечно, смысле, в каком нередко принимается у нас это выражение, которое выставляется каким-то пугалом, означающим врагов всякого улучшения, а в том смысле, какой может придавать ему разумный человек, любящий свободу, но понимающий необходимость чего-нибудь прямого в жизни. Я приверженец охранительных начал в том смысле, что я глубоко и живо чувствую потребность власти и порядка. Я вижу в этом завет всей русской истории и существеннейшую нужду настоящего смутного времени. Поэтому я всегда готов буду идти рука об руку с властью. Но идти рука об руку с властью не значит поступаться своими правами; а еще менее отрекаться от независимости своих суждений. Человек с самостоятельным образом мыслей дает свое содействие не иначе как сознательно и свободно. Я уверен, что в интересах самой власти встречать перед

собой не страдательные только орудия, а живые, независимые силы, которые одни могут дать ей надлежащую поддержку, ибо тот, кто способен стоять за себя, может быть опорой для других. Поэтому нет хуже политики, которая стремится сломать всякое сопротивление. Действуя таким образом, власть воображает иногда, что она увеличивает свою силу, а между тем она подрывает собственные основы, и в минуты невзгоды она слишком поздно видит перед собою лишь надломленные орудия или встречает глухую оппозицию, способную произвести брожение, но не способную ничего создать» (Воспоминания..., 1934, 172—173).

Правительство не обратило внимания на эти предостережения, основанные на знании политического опыта Европы и российской истории, и в 1880-е гг. наступила пора разгула реакции и разгрома просвещенных и других здоровых сил русского общества.

Недолгой была общественная деятельность и самого Чичерина на посту московского головы. Защищая закон, борясь против самодурства бюрократической машины правительства, он снискал себе славу «неудобного», о чем почти открыто заявил находящийся с ним в дружеских отношениях К. П. Победоносцев. Независимая позиция московского головы вызвала при царском дворе недовольство. Первую реакцию недовольства вызвала речь Чичерина в защиту университетских свобод и университетского устава на обеде старых студентов Московского университета 12 января 1883 г. Эта речь вызвала горячее одобрение в университетских кругах России, а царь приказал московскому генерал-губернатору Долгорукову пригласить к себе Чичерина и объявить ему, что его величество находит эту речь не соответствующей званию городского головы.

Еще больший общественный резонанс получила речь Чичерина по случаю коронации Александра III в Москве 16 мая 1883 г. В ней он призывал к объединению «земских людей на пользу Отечества» и борьбе с революционными силами, к духовному единству всех граждан России, к верности престолу и любви к Отечеству. «Мы не становимся в оппозиционные отношения к правительству, — говорил Чичерин, — мы не требуем себе прав. Мы спокойно ожидаем, когда сама власть признает наше содействие; но когда этот зов последует, он не должен застигнуть нас врасплох: мы должны быть готовы» (Там же, 236). Эта речь была расценена

реакционерами как требование конституции, запрещена к печати, но вскоре была издана за рубежом («Речь Б. И. Чичерина, московского городского головы, 16 мая 1883 г. Эпизод из истории коронации в Москве. С предисловием Р.Р.», Берлин, 1883). Царь приказал Чичерину подать в отставку, и в июле 1883 г. она была принята. А спустя год правительство нанесло последний удар Чичерину — не было одобрено властями решение Московской городской думы о присвоении Чичерину звания почетного гражданина города Москвы.

В середине августа 1883 г. Б. Н. Чичерин уезжает в родовое имение Караул и полностью посвящает себя интенсивной работе. В конце 1890-х гг. он увлекся математикой и химией, предложив собственную теорию периодического закона элементов, одобренную Д. И. Менделеевым и А. Г. Столетовым (см.: Чичерин, 1911). Одна за одной выходят новые книги: «Положительная философия и единство науки» (1892), «Основания логики и метафизики» (1894), «Философия права» (1900), «Вопросы философии» (1904), в это же время он пишет и свои «Воспоминания». Заканчивая их, ученый с горечью констатировал: «Я и в старости продолжал заниматься наукой, которая всегда была моим главным призванием в жизни. Правда, от многолетней своей деятельности я не видел осязательных плодов. Писать ученые сочинения составляет в России самое неблагоприятное ремесло, особенно когда не отдаешься современному течению, а стараешься сохранить требуемое наукою беспристрастие. Книга выходила за книгою, не встречая ни отзыва, ни признательности» (Воспоминания..., 1934, 310). На духовное одиночество Чичерина обращали внимание и современники. В своих «Воспоминаниях» Е. Н. Трубецкой писал: «Резкость суждений Бориса Николаевича почти о всем современном объясняется его духовным одиночеством. Гегельянец в конце XIX столетия, он казался человеком с другой планеты, единственным представителем сороковых годов в восьмидесятые и девяностые годы. Всем течением жизни и мысли, которые в то время боролись вокруг него, он был одинаково чужд <...> Мысль его до конца его жизни оставалась совершенно чистою струей, которая ни с чем не смешивалась, не воспринимала в себя из окружающей духовной атмосферы решительно никаких влияний. Как абсолютная мысль

в “Логике” Гегеля, она развивалась “сама из себя”. Это было возможно лишь благодаря совершенно исключительной, редкой, особенно в России, непреклонности и твердости духа. Этим объясняется трагедия его умственной жизни. Органически чужой своему веку, он не был им ни понят, ни воспринят. Ученые исследования его оставили заметный и даже весьма крупный след в науке государственного права; но как философ, он совершенно прошел мимо современного поколения. Несмотря на обилие его философских произведений, его напросто не з н а ю т (выделено автором. — Б. Е.). В изречении Соловьева, который в пылу полемики назвал его “Пифагор без пифагорейцев”, была большая доля правды» (Трубецкой, 1921, 120—121). С сожалением приходится констатировать, что и сегодняшнее поколение, кроме небольшого круга специалистов, о жизни и творчестве Б. Н. Чичерина мало осведомлено.

Чичерин скончался 3 февраля 1904 г. в своем имении Караул, где и был похоронен.

По общему признанию историков русской философии, как философ Чичерин был гегельянцем и, по словам Д. И. Чижевского, одним «из немногих русских философов 19-го века, вливших свои идеи в форму завершенной системы» (Чижевский, 1939, 288).

В философии Гегеля русского философа привлекали глубина мысли, охватившей не только обозримый мир, но и просторы невидимого Духа, а также его метод и схематика, которые он не просто усвоил, но и усложнил. Вместе с тем Чичерин не был истинным гегельянцем. У него, как и у большинства русских философов, заимствование, усвоение идей европейской философии носит конструктивный характер. Он пытался преодолеть «односторонность» Гегеля, сделать к его философии «поправки и дополнения». Это касалось как конкретных оценок исторических фактов, так и кардинальных проблем философии. К тому же Б. Н. Чичерин жил в другое время, когда ощутимыми стали результаты дальнейшего развития гегелевской философии, когда борьба с позитивизмом, например, стала весьма актуальной.

Как философ-рационалист (Чичерин часто называл себя рационалистом), он считал рационализм единственной философией. Однако его нельзя назвать крайним рационалистом, поскольку,

по его мнению, нельзя ограничиваться лишь сферой рационального знания. Опыт — такая же необходимая его сфера, поскольку в нем скрыта разумность. Установление законов сферы опыта невозможно без исследования априорных основ знания, но невозможно и без самого опыта. Здесь, по его мнению, кроется одна из ошибок Гегеля, как и рационализма в целом. Он считает, что диалектический вывод обычных определений возможен путем их логической обработки, но в мире явлений существуют иные пути. «Для этого необходимо предварительное исследование самих явлений, а это составляет дело опыта. Подводя же поверхностным образом плохо изученные явления под логическую схему, построенную диалектическим путем, мы рискуем ошибиться на счет фактического приложения умозрительных законов, и тогда может показаться, что выведенные умозрением начала не оправдываются опытом. Это и случилось с Гегелем» (Чичерин, 1901, 406). Дальнейшее развитие гегелевской философии после опьянения ее успехами потребовало проверки выводов опытом, а это потребовало иные, чем умозрительные, пути познания. В результате развитие философской мысли пошло следующим образом: от умозрения — к опыту, от рационализма — к реализму. «Но, сделавши этот совершенно законный шаг, мышление становится опять на исключительную точку зрения. Новый путь требовался как восполнение предыдущего; он должен был дать ответ на поставленные первым вопросы. Опыт должен был выработать меньшую посылку для большей посылки, выведенной умозрением. Вместо того он отверг всякое умозрение и самого себя признал началом и концом всего человеческого знания» (Там же).

Особенно наглядно это проявилось в эмпиризме позитивистской доктрины О. Конта, которая «отвергает все, что не основано на точном и подробном изучении явлений... Вся эта теория построена на голословном признании опыта, и притом внешнего, единственным источником человеческого видения» (Там же, 240). Во главе всех опытных наук О. Конт ставил математику, которая отнюдь не являлась таковой. Чичерин считает, что эмпиризм, сводящий познание только к опыту, не оправдывается самим опытом, раскрывающимся лишь как одна из сторон познания, требующая своего дополнения и обработки при помощи рассудка, логики.

Опыт ограничен. Единственное, что ему доступно, это ряд явлений — последовательных или совместных. А внутренняя связь их в опыте неизвестна. «Ограниченные тесною областью, раскрываемую нам чувствами, мы окружены бесконечностью непознаваемого (выделено автором.— Б. Е.). Природа, жизнь, самая сущность человека, все высшие вопросы нравственного мира остаются для нас непроницаемой тайной» (Чичерин, 1900а, 641). Под категорию непознаваемого в опыте попадают и такие основополагающие научные понятия, как причинность, субстанция, сила. Чтобы освободиться от познавательной недостаточности эмпиризма, необходимо, считает русский философ, чтобы умозрение стало скрепляющей основой познания. Для Чичерина классическим примером разработки системы умозрения является «Логика» Гегеля. Хотя «язык у него варварский, что весьма затрудняет понимание; мысли часто темны, переходы иногда слишком искусственны; самое расположение содержания могло бы быть с выгодой изменено», его философия «все-таки грандиозная и истинно научная попытка вывести всю систему умозрительных понятий, которыми руководится человеческий разум в познании вещей» (Там же, 649—650).

Чичерин-рационалист, будучи принципиальным противником позитивизма, критиковал также безусловные основания на любых вероучительных началах. Когда в 1880 г. В. С. Соловьев защитил докторскую диссертацию «Критика отмеченных начал», в которой обосновал идею всеединства как тождество мистического и естественно-научного знания, «свободную теософию» и одновременно критиковал эмпиризм и рационализм, как отвлеченные начала, Б. Н. Чичерин написал против нее большую книгу «Мистицизм в науке» (М., 1880). В ней философ критикует В. С. Соловьева за уступки эмпиризму и рационализму, за мистицизм всеединства, за представление об Абсолюте как сущем всеедином и неправомерное использование рационалистической терминологии (см.: Чичерин, 1880, 115—120). «Однако, — указывает А. Ф. Лосев, — Б. Н. Чичерин не вполне разбирается в том, что мистицизм Вл. Соловьева отличается установлением вполне интеллектуалистических структур, так что обвинять здесь Вл. Соловьева за неправомерное использование им рационализма совершенно неправильно.

Вл. Соловьев здесь весьма рационалистичен. Но только его рационализм совершенно оригинальный и весьма специфический. И вот тут-то Б. Н. Чичерин находится слишком уж во власти традиционных представлений о мистицизме и не разбирается в интеллектуалистической его структуре Вл. Соловьева» (Лосев, 1990, 60—61).

Одной из основных задач философии является определение умозрительных понятий и связующих их законов. Русский философ строит свое представление о них. По его мнению, имеются два основных начала — материя и разум. Они одновременно являются субстанциями. Кроме первых двух, есть еще два начала: дух, как конечная цель развития, и первопричина, как абсолютная потенциальная мировая энергия. Эти четыре начала независимы друг от друга, но находятся в постоянном взаимодействии, образуя все явления мира. И все четыре исходят из единой сущности. Чичерин пишет: «Четыре элемента мироздания представляются развитием единой абсолютной Сущности, но в Абсолютном нет развития: оно вечно. Поэтому моменты развития Абсолютного суть вечные элементы бытия. Единство их лежит в Абсолютном; в реальном мире они распадаются и остаются независимыми друг от друга» (Чичерин, 1898, 562).

Защищая рационализм Гегеля, Чичерин вместе с тем пытается несколько смягчить абсолютный характер этого рационализма. Он был против того, что чистый разум в системе Гегеля поглотил мир действительных явлений: «Гегель начал с крайнего отвлечения, с понятия о чистом бытии» (Чичерин, 1901, 61). Но это отвлечение с необходимостью должно предполагать конкретное. «Предшествующее разложение конкретного содержания отнесено Гегелем к феноменологии духа, которая изображает движение разума от внешних представлений к самым отвлеченным понятиям. Очевидно, однако, что этот процесс — не только феноменологический, но и логический» (Там же). Следовательно, считает русский философ, метод чистого разума (логика) должен претерпеть ряд изменений в пользу конкретного. С этой целью он предлагает ввести в диалектический метод четвертый элемент, заменив трехчленную формулу Гегеля четырехчленной.

Исходя из утверждения, что «невозможно начинать изложение определений чистого разума с понятий о чистом бытии», Чичерин

пытается поставить на его место понятие «определенное бытие, нечто» (см.: Чичерин, 1901, 61). Оно содержит в себе двоякое отношение: тождество с собой и отрицание другого (всякое определение — это отрицание). Первое отношение, т. е. тождество с собой, в отвлечении дает именно чистое бытие. А второе отношение, т. е. отрицание другого, рождает понятие небытия. Выделение этих двух определений из первоначального, утверждает Чичерин, «ведет сначала к их противоположению, а затем последующему синтезу» (Там же, 61—62). Чичерин считает, что под эту схему можно подвести всякое действие разума. По его мнению, есть два действия разума — сложение и разделение, синтез и анализ или то и другое вместе: «Всякая логическая операция состоит или в том, или в другом, а чаще всего заключает в себе оба вместе. Поэтому определения единства и множества суть основные начала разума при познании какого бы то ни было предмета» (Чичерин, 1894, 7). Противоположность единства и множества в познании преодолевается при помощи присущих разуму двух видов деятельности, т. е. соединения и разделения. В результате соединения даст конкретное «сочетание» единичного и многого, а разделение ставит их в «отношение» друг к другу. Эти четыре формы дают в совокупности общую логическую схему познания всех возможных предметов и явлений. В любом случае, когда в результате исследования любого объекта мы получаем эти четыре категории, наш анализ полон. Высказанные соображения Чичерин изображает в виде следующей схемы (формулы):

ЕДИНСТВО
ОТНОШЕНИЕ + СОЧЕТАНИЕ
МНОЖЕСТВО

«Очевидно, — пишет философ, — эта формула не содержит в себе ничего, кроме самых элементарных логических действий: соединения и разделения. Заключающиеся в ней противоположные определения единства и множества представляют две крайности, между которыми лежат две связующие их середины, одна в форме соединения, другая в форме разделения» (Там же, 8).

Чичерин считает, что в этой схеме он соединил традиционные начала анализа и синтеза и аристотелевское учение о четырех при-

чинах. Схема тем самым стала статичной и динамичной одновременно. Деятельность разума происходит следующим образом: от первоначального «единства», содержащего в себе в непосредственной слитности два противоположных начала — общее и частное, разум переходит через «обе противоположности в их отвлеченности т. е. отвлеченно — общее и чисто частное» к высшему, или конечному, единству обоих, которое снова может служить исходным пунктом нового движения. Эта схема повторяется в любом проявлении диалектического единства, в результате «возникает целый мир чисто умственных категорий, вывод которых и составляет задачу диалектики» (Чичерин, 1901, 74).

Русский философ утверждает единство бытия и мышления, но оно у него не достигается, как у Гегеля, в процессе диалектического движения, а постулируется в самом начале обоснования системы. Он изменяет и исходный пункт диалектического движения. Вместо гегелевского «чистого» бытия он начинает с «полноты бытия». Эта борьба с гегелевской «абстрактностью» приводит к тому, что Чичерин не до конца воспринимает подлинную диалектичность гегелевской мысли. У Гегеля диалектическое движение есть «борьба за конкретность», восхождение к ней. Поэтому полноценной у него является только такая конкретность, которая достигнута путем борьбы, т. е. «опосредованная». А у Чичерина конкретность — это завершенная полнота и богатство содержания, которое расчленяется при помощи четырехчленного метода, причем не онтологически, а гносеологически. Д. И. Чижевский справедливо замечает: «Реформа диалектики Гегеля, произведенная Чичериным в этом пункте, могла бы удовлетворить всех, кто возражал против “развивающегося Абсолюта”, “становящегося Бога” Гегеля. Реформа эта, может быть, даже и определилась у Чичерина религиозными мотивами. Но результатом ее было несомненное ослабление спекулятивной высоты гегельянства. Диалектика — уже не жизнь самого бытия, но в первую очередь — метод познания его» (Чижевский, 1939, 293).

Современники и более поздние исследователи обратили внимание еще на одну особенность интерпретации Чичериным гегелевской философии, ослаблявшую ее. Определяя диалектический метод, русский философ утверждает: «Через все проходит один

диалектический закон, который, вытекая из самого существа человеческого разума, идет от одного определения к другому, пока он не совершит полного круговорота» (Чичерин, 1879, 77). Другими словами, на вооружение им берется идея диалектического круга, циклического вращения, не дающего движения вперед. «Положение о том, что “диалектический закон влечет за собою совпадение конца с началом”, — верно замечает А. Н. Медушевский, — стало ключевым в философии Чичерина и вызвало упреки в отходе от Гегеля. Тот факт, что такая интерпретация учения Гегеля наложила отпечаток на все творчество Чичерина, в том числе по вопросам социологии, права и истории, не вызывает сомнений» (Медушевский, 1988, 105). Кстати, введение четвертого элемента в диалектическую схему приводило к идее эволюционного характера развития, когда четвертый элемент составлял переходную ступень от одного цикла развития к другому.

Конкретно Чичерин проводит идею четвертого элемента диалектики не только в философии, но и в политологии: 1. Три элемента Гегеля: мораль, право, нравственность. Четыре элемента Чичерина: мораль, право, нравственность, общежитие. 2. У Гегеля: семья, гражданское общество, государство. У Чичерина: семья, гражданское общество, государство, церковь. 3. У Гегеля: королевская, исполнительная, законодательная власть. У Чичерина: монархическая, исполнительная, законодательная, судебная власть. 4. У Гегеля: свобода, закон, власть. У Чичерина: свобода, закон, власть, общая цель и т. д.

Большинство собственно философских работ Б. Н. Чичерина являются своеобразным обоснованием метафизики как науки о понимании вещей, представляющих логические определения или категории. В своей книге «Основание логики и метафизики» он дает ей следующее определение: «Метафизика состоит в развитии системы категорий. В логике эта система извлекается из логических форм, в метафизике она развивается умозрительно» (Чичерин, 1894, 212). Логическое развитие метафизики как системы категорий — это логика осознания отношения субъективных определений к объективным. Категории эти выводятся не эмпирически, а рационально и априорно. Они есть непосредственное определение сущего (количество, бытие, действие и отношение). Это

первая ступень развития метафизики. На второй ступени субъективное начало противопоставляется объективному, и оба они становятся относительными (явление, субъект). На третьей ступени разум осознает внутренне тождество противоположных начал и от относительного «возвышается к абсолютному». На этой ступени уже другая система категорий: причина конечная, причина формальная, причина материальная и причина производящая. Здесь в очередной раз он подходит к определению Абсолюта как бытия, не зависящего от другого, не имеющего границ, находящегося вне изменяющихся характеристик пространства и времени, т. е. вечного и неизменного, количественно и качественно заключающего в себе все, в том числе и различия, существующие в нем самом. Понятие Абсолюта присуще и разуму и содержит в себе категории бытия и границы и два отношения — их отрицательную связь (бытие, отрицающее границу) и положительную связь (бытие, заключающее в себе границу, как единство, поглощающее в себе различия). В результате «в Абсолютном все эти определения полагаются определениями бытия, независимого друг от друга» (Чичерин, 1894, 325).

Абсолютное как абсолютная причина состоит из диалектического единства названных выше причин, причем материальная причина составляет сферу неабсолютного, которое есть одновременно сущее и не-сущее. А три остальных причины — формальная, конечная и производящая — составляют собственно триединую абсолютную причину. Сущее с не-сущим соединяет человек, т. к. он как реальное материальное существо является не сущим, но возвышается в своем сознании к Абсолюту и воспринимает его через чувство, которое есть вера. «Таким образом, вера есть явление реального взаимодействия субъекта с Абсолютным. Если существует в человеке религиозное чувство, то есть и реальное взаимодействие человека с божеством» (Там же, 348—349).

Религия обосновывается русским философом рационалистически. Он строит рациональную теологию, восстанавливая отвергнутые Кантом рационалистические доказательства бытия Бога — онтологическое, космологическое и телеологическое. Однако в вопросах обоснования религии Чичерин делает шаг назад по сравнению с Гегелем. Если у Гегеля религия является ступенью развития духа, низшей по сравнению с философией, у Чичерина, наоборот, философия «относится к религии, как чистая мысль

к живому единению, т. е. как отвлеченно-общее начало к конкретному единству» (Чичерин, 1901, 226). То есть религия выше теоретической философии, поскольку именно она ведет к метафизическим предпосылкам нравственности, к признанию «абсолютного начала» в человеке, к утверждению бессмертия души и свободы воли. В религии, считает Чичерин, соединяются все элементы философии. Помимо этого, религия удовлетворяет запросам мысли в догматике, запросам воли в религиозном обосновании нравственности и запросам чувства в практике культа. Таким образом, религия объединяет в себе все стороны культуры и как бы завершает развитие духа в качестве высшей формы его существования.

Если нельзя обойтись без метафизических размышлений, говоря о религии, то тем более метафизика нужна в области этики и правоповедения. И здесь необходимо обратить внимание на полемику Б. Н. Чичерина и В. С. Соловьева, произошедшую в 1897 г. После публикации Соловьевым книги «Оправдание добра» и брошюры «Право и нравственность» Чичерин публикует в «Вопросах философии и психологии» (1897, кн. 39) статью-рецензию «О началах этики», в которой критикует основные положения названных книг. В этом же номере журнала одновременно появляется ответ В. С. Соловьева под названием «Мнимая критика». А в следующем номере они еще раз обменялись критическими статьями: Чичерин опубликовал «Несколько слов по поводу ответа г. Соловьева», а Соловьев — «Необходимые замечания на “Несколько слов” Б. Н. Чичерина».

Главное обвинение Чичерина заключается в том, что Соловьев «хочет построить нравственную философию не только независимо от всякой положительной религии, но и не прибегая к теоретической философии, или к метафизике». И если первое верно, поскольку «при различии положительных религий разумный выбор между ними определяется опять не философскими началами. Иначе это будет безотчетная вера на которой нельзя основать никаких философских выводов», то второе утверждение Чичерин не приемлет абсолютно: «Без теоретических оснований, вызывая к человеческим чувствам, можно, более или менее удачно, держать нравственную проповедь, читать людям наставления, но нельзя построить философского учения, ибо невозможно философствовать без фило-

софии. Нравственные требования не суть реальные факты, которые устанавливаются опытным путем: это — явления метафизического свойства, вытекающие из метафизических основ человеческого естества и совершенно без этого непонятные» (Чичерин, 1989, 74). Б. Н. Чичерин был уверен и неоднократно утверждал, что «нравственная философия как наука возможна только на прочном основании теоретической философии. Без этого она останется чисто произвольным построением, или зданием, висящим в воздухе» (Там же, 75).

Еще одно положение нравственной философии В. Соловьева, связанное с утверждением, что она может обойтись без свободы воли, является предметом анализа и критики Б. Н. Чичерина: «Не отрицая свободы воли, исследование которой принадлежит метафизике, г. Соловьев утверждает, что нравственная философия может без нее обойтись» (Там же, 75—76). У Соловьева нравственная свобода действительно основывается на «разумной свободе», или, что однозначно, — на «нравственной необходимости». Говоря же о свободе воли, Соловьев в статье «Мнимая критика» подчеркивает, что ее можно понимать в собственном, или безусловном, смысле как чистый произвол. А Чичерин, наоборот, представляет свободу воли не беспричинным хотением, а выбором между различными мотивами. «Для нравственности свободная воля составляет первое и необходимое условие. Без этого нет ни понятия о законе как обязательном предписании, ни понятия о должном. И то и другое имеет смысл единственно в отношении к существам, одаренным свободною волей, а не к тем, которые повинуются закону как естественному влечению или физической необходимости... Нравственно только то, что человек делает не по необходимости, а по свободному внутреннему изволению» (Там же, 76—77). Свобода человека — это его реальность, его существование, когда он понимает свою исключительность и независимость от чего-либо, поскольку несет абсолютное начало. Не натуралистические природные чувства и инстинкты человека, такие как стыд, жалость, благоговение, должны определять нравственность, а сверхчувственное начало. К примеру, «...в совести мы имеем свет, исходящий из высшей сверхчувственной области, а не усовершенствованный инстинкт, относящийся к физической природе» (Там же, 84).

При сравнении позиции В. Соловьева и Б. Чичерина обнаруживаются два противоположных подхода к решению вопроса о свободе воли. Если Чичерин не отступает от традиционного, как это представлено в немецкой классической философии, толкования свободы воли, то Соловьев ищет другие пути, разводя метафизику и нравственность. По верному замечанию В. И. Приленского, логически был прав Чичерин, а В. С. Соловьева не устраивала традиционная схема, в которой нравственная философия завершала философскую теорию, он хотел представить нравственную философию не метафизической конструкцией, а «систематическим указателем правого пути» в жизнедеятельности народов. Поэтому «нельзя не отметить его новаторского подхода к решению этических проблем, насыщенности его этических идей глубоким гуманистическим чувством» (Приленский, 1989, 70).

Наконец, третий и, с точки зрения Чичерина, пожалуй, самый главный недостаток двух книг Соловьева состоит в том, что он пытается связать нравственность и право с его воплощением в государстве. Основой нравственности, считает он, является свободная воля, а государства — принуждение. Право и нравственность — разнопорядковые понятия. Если право, закон, государство составляют внешнюю сторону исторической жизни людей, то нравственность — метафизическая, внутренняя сторона их жизни. Кроме того, право и нравственность управляют двумя разными сферами свободы: право — внешними отношениями свободы одного лица к свободе других, а нравственность — внутренними побуждениями человека, определяемыми совестью. По Чичерину, право — это свобода, определяемая законом. «Для философского отношения права и нравственности (задача Соловьева), — указывает В. И. Приленский, — Чичерин считает необходимым возвыситься до понятия свободы, показать ее источник, исследовать различные области ее приложения, т. е. решить чисто метафизическую задачу» (Там же, 72). И он решает ее, исходя из собственных представлений.

Прочное основание, начало и морали, и праву, как считает русский философ, дает разум, поскольку он требует любое частное подводить под общее, т. е. закон. Право, конечно, ограничивает свободу отдельного человека, но этим согласует ее со свободой других. Человек, живя в обществе, ограничивает свою свободу

и поэтому превращается в гражданина. Как пишет Чичерин, «...общество может составляться для чисто практических целей, помимо всяких нравственных требований; но так как оно состоит из свободных лиц, действующих на общем поприще, то свобода одних неизбежно приходит в столкновение... со свободой других. Отсюда необходимость общих норм, определяющих, что принадлежит одному и что другому и что каждый может делать, не посягая на чужую свободу» (Чичерин, 1900в, 89). И право (закон), и нравственность не противоречат друг другу. Они оба проявляются в свободе личности: только нравственная свобода выражает субъективное право и свободную волю добровольного подчинения, а право — обязательное подчинение закону. Нравственность всегда устремлена к абсолюту, а право всегда конкретно сформулировано: «право есть внешняя свобода человека, определяемая общим законом» (Там же, 84).

Русский философ различает право положительное (позитивное) и естественное. Область положительного права — это юридические нормы, действующие здесь и теперь, а естественного — юридические нормы, долженствующие служить мерилom права положительного. Таким мерилom является справедливость, или правда, которая выражается в равенстве. Люди равны, поскольку все и каждый одарены разумом и свободной волей. Это, по Чичерину, так называемое «коренное равенство», или «уравнивающая правда». Она требует признание за всеми равенства перед законом. Но это не означает, что все равны фактически. Человеческая природа как раз ведет к фактическому неравенству. Особенно, если дело касается частной собственности, которая и есть «неизменное требование справедливости» (Там же, 120).

Высшим воплощением права, развитием идеи права являются «человеческие союзы». Чичерин насчитывает четыре таких союза: семейство, гражданское общество, церковь (Гегель исключал ее из системы союзов) и государство. Каждый из них выражает одну из категорий философии права, т. е. соответственно общественную цель, личную свободу, закон и власть. В результате, утверждает русский философ, «мы имеем цельную и стройную систему человеческих союзов, представляющих полное развитие идеи общества и отвечающих самым внутренним свойствам души человека, а потому выражающих истинную его природу» (Там же, 236).

Для Чичерина как политического мыслителя одной из важнейших сторон его мировоззрения была философия истории, в центре которой находится религия. Для него, как это было показано выше, религия выше философии, поскольку она живое единение, а философия — чистая мысль. Или, другими словами, философия — это отвлеченное общее, а религия — конкретное единство. Философ в «Курсе государственной науки» пишет: «Религия не ограничивается рациональными определениями Абсолютного; она ставит человека в живое к нему отношение. И это согласно с требованиями разума. Если существует Абсолютное как живая сила, от которой зависит все относительное, то есть и реальное взаимодействие между тем и другим, следовательно, между человеком и божеством. Абсолютное не является внешним чувством, которому доступно только частное, материальное бытие; но оно открывается духовному взору человека, и здесь оно охватывает его всецело, подчиняя себе не только его разум, но и чувство, и волю... Религией связывается и направляется человеческая совесть. Поэтому она является высшей нравственной силой на земле. Отсюда выдающееся ее значение для всего общественного быта» (Чичерин, 1894—1898, ч. 2, 230).

Философия истории Чичерина во многом совпадает с гегелевской, но многое русский философ в ней изменил. «Главное же изменение состоит в том, что Чичерин видит ось исторического развития не в политических переменах и даже не в смене представляющих мировой дух народов, а в развитии философии и религии. Конкретная философия истории Чичерина скорее соответствует философии религии и истории философии Гегеля, чем его философии истории» (Чижевский, 1939, 295).

По мнению русского философа, периодизация истории, ее развитие есть смена синтетических и аналитических эпох. При этом в синтетической преобладает религия, в аналитической — философия. Поскольку мысль, как уже отмечалось выше, движется от конкретного, то первым периодом был религиозный. П е р в ы й с и н т е т и ч е с к и й п е р и о д — это период первобытных религий, когда Бога определяли преимущественно как творческую, первоначальную силу. Ему на смену пришел п е р в ы й а н а л и т и ч е с к и й п е р и о д — развитие греческой философии. В т о р о й

синтетический период — опять религиозный — период христианства, которое, как единая религия, распадается на католицизм и православие. Возникший позже протестантизм не восстанавливает единство, но, как считает Чичерин, приводит к возникновению второго аналитического периода — периода философии Нового времени, в которой также нет единства. «Натурализм» Декарта распадается на материализм и спиритуализм немецкой классической философии, а он, в свою очередь, распадается на «материалистический» и «спиритуалистический» реализм. Они-то и готовят наступление третьего синтетического периода — периода религии Духа. Как пишет философ, «человечество исходит от Бога и снова возвращается к Богу» (Чичерин, 1901, 450). Чичерин не признает, в отличие от Гегеля, немецкую классическую философию абсолютным развитием Духа, а современность — «концом истории». Развитие продолжается, идет подготовка к новому универсализму. Чичерин поставил под сомнение гегелевскую концепцию «исторического народа», который является в определенный период как Мировой дух. Гегель абсолютизирует локальное, добуржуазное развитие отдельных народов, в буржуазный период развитие становится всемирным. Русский же философ утверждает, что «христианские народы живут общей жизнью, действуя друг на друга и совокупными усилиями подвигают дело человечества. Каждый из них настолько имеет значение в истории, насколько участвует в этом общении» (Чичерин, 1899, 286). Другими словами, русский народ имеет общие с европейскими законы развития и, следовательно, России не миновать буржуазного пути развития. Как политический мыслитель, он выстраивает свое понимание ее прошлой, ушедшей истории, ее настоящего, строит концепцию будущего исторического развития.

КОНЦЕПЦИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В многогранной теоретической деятельности Чичерина отечественная история занимает особое место. С нее он начинал свою научную карьеру, представив к защите магистерскую диссертацию «Областные учреждения России в XVII в.». Не только праву, но и различным аспектам русской истории принадлежат его статьи, собранные в «Опытах по истории русского права» (М., 1858). «Современные задачи российской жизни», опубликованные в герценовских «Голосах из России», и книга «О народном представительстве» также связаны с анализом русской истории.

Во всех этих работах Чичерин излагает свою концепцию русской истории, будучи одним из главных представителей так называемой государственной школы русской историографии и порой расходясь в отдельных оценках с другими представителями этой школы — С. М. Соловьевым и К. Д. Кавелиным.

Конкретные представления о русской истории, фактография Чичерина покоятся на нескольких общих теоретических и методологических предпосылках.

1. Постоянно утверждаемый во всех работах, посвященных не только русской истории, принцип историзма. «Истинная историческая метода... состоит в том, — писал Чичерин, — что каждое явление обсуждается не с точки зрения отвлеченных начал, а в связи с условиями времени и среды, предыдущим и последующим» (Чичерин, 1892, 223—224). Как гегельянец, он подчеркивал и даже абсолютизировал объективный характер научного исследования на основе принципа историзма, отрицая какое-либо вмешательство субъективного начала, за что его критиковали как революционные демократы (например, Чернышевский), так и славянофилы (в частности, Ю. Ф. Самарин).

2. В русской истории большую роль играет географический фактор. «Однообразная природа и безграничные просторы», отсутствие гор — естественных преград, мешающих переселению, обильная почва, дающая относительно легкое пропитание, — все это дало «более или менее однообразную массу, разлитую по всему пространству и не имеющую слишком резких различий в своих частях» (Чичерин, 1974, 55). Природные обстоятельства жизнедеятельности русского народа привели к выработке у него двух характерных черт. Во-первых, обильная, богатая природа не способствовала напряжению умственных и физических сил, разнообразию интересов, а наоборот, вырабатывала пассивность народного характера. «Не мудрено, — делает вывод Чичерин, — что при таких условиях он не развил из себя разнообразного исторического содержания, не выработал человеческих начал — науки, искусства, промышленности, изящества нравов» (Там же, 57). Во-вторых, необозримые пространства, степь способствовали «кочеванию народов». Если на Западе народ вел оседлый образ жизни, у нас — «всеобщее брожение по всей Русской земле». Поэтому одиночество и разобщенность русского народа стало его уделом, что, несомненно, повлияло на его характер. «На Западе, — пишет русский мыслитель, — мы видим личность рыцаря, личность горожанина, личность ученого, которые служат выражением выработанных в союзе элементов. У нас же одинокое, блуждающее лицо не было в состоянии развить ни науку, ни искусство, ни прочную гражданственность. Затерянное в необозримом, едва заселенном пространстве, оно более подлежало влиянию природных стихий, нежели общественных начал» (Чичерин, 1858а, 379). Другими словами, у русского народа долгое время не было объединяющего его центра, не было возможности «соединиться самим собою в союз, основанный на собственных силах и на собственной деятельности» (Чичерин, 1974, 60).

Чичерин считал, что русский народ, его характер исторически не менялись. Исторические условия, в которых происходило его развитие, породили у русского народа привычку повиноваться, сделали его терпеливым, что и способствовало в конечном итоге установлению в России сильной власти. Кроме того, русский народ от природы способен и талантлив, но не настойчив в своих устремлениях, пассивен. И если те же исторические условия вы-

бывают его из колеи, он может подчиниться чужому влиянию (Чичерин, 1974, 56—57).

3. Третья предпосылка, вытекающая из сказанного, это потребность государственного начала, имеющего в истории народа решающее значение. Особенно в России: «То, что на Западе образовалось само собою вследствие господства союзного духа, то у нас учреждено правительством на основании господства государственных потребностей» (Чичерин, 1856, 37). Государство для Чичерина — важнейшая политологическая категория, объясняющая многие исторические процессы. В России, в частности, утверждает он, «государство было исходною точкою всего общественного развития... с XV в. Возникшее на развалинах средневековых учреждений, оно нашло вокруг себя чистое поле; не было мелких союзов, крепких и замкнутых; отдельные личности, бродящие с места на место и занятые исключительно своими частными интересами, одни противостояли новому общественному союзу. Главною задачею сделалось устройство государства, которое организовалось сверху, а не снизу: нужно было устроить общий союз, а частные должны были служить ему орудием» (Там же, 575—576).

4. Наконец, четвертая предпосылка заключалась в западничестве Чичерина. «Унаследовав традиционные западнические воззрения на особенности русской истории (четкое различие характера русской и западноевропейской истории, роли государства и личности в этих крупнейших регионах и т. д.), он [Чичерин] все же всегда был склонен к утверждению общечеловеческого принципа в истории человечества» (Приленский, 1991, 71—72). Эта оценка современного исследователя, по нашему мнению, верна в своей основе и подтверждается всеми работами Чичерина по анализу отечественной истории.

Непосредственное историческое развитие России, как и Европы, прошло три этапа, или «союза»: 1) «союз кровный» — первобытное родовое общество; 2) «союз гражданский» — средневековое общество, начинающееся с появлением «варяжской дружины», в котором «личности, не сдержанные более в своих стремлениях тяготением общего, господствующего обычая, предались частным своим интересам: отношения родственные, договорные, имущественные — одним словом, частное право сделалось основанием

всего быта, точкою зрения, с которой люди смотрели на все общественные явления» (Чичерин, 1858а, 368); 3) «союз государственный», в котором утверждается «и разумная свобода и нравственная личность» (см.: Там же). В речи, произнесенной перед защитой магистерской диссертации, русский философ возникновение русского государства в XV в. называет поворотной точкой отечественной истории.

Смена этих трех «союзов» была длительным процессом. Их смену одного другим Чичерин объяснял, постоянно подчеркивая относительную одновременность и интенсивность исторических процессов в России и на Западе и внешние, а не внутренние причины исторического движения народа.

Итак, первоначально славянские народы жили мелкими союзами — племенными, родовыми, общинными. Родовой, патриархальный быт, «основанный на кровном единстве, господствовал первоначально как на Западе, так и на Востоке. Но ни одно племя не было так способно подчиниться влиянию этого естественного элемента человеческой жизни, как племя славянское. У нас до сих пор сохраняются его остатки. Наоборот, ни одно племя не было менее способно выйти из него путем внутреннего развития и выработать из себя новые формы общественного быта» (Чичерин, 1974, 59). Дело в том, объяснял философ, что внешние условия жизни славянских племен благоприятствовали сохранению и долговременному существованию первобытного строя, а внутренних побудительных мотивов его изменения не было, т. е. не было государства, объединяющих начал, люди жили по отношению друг к другу обособленно. И лишь спустя длительное время эта смена произошла. Опять-таки от внешнего воздействия: проявившееся шатание и «несостоятельность» славянских племен привели к иностранному (варяжскому) вмешательству, в результате чего было создано новое «гражданское» общество: «Патриархальный быт поколебался от наплыва иноземных стихий, и когда наконец сказалась его внутренняя несостоятельность, славянские племена явили себя неспособными к созданию новых форм гражданственности. Для этого была нужна внешняя власть, и они принуждены были призвать к себе варягов, старых врагов своих. Им они представили господство над собою и установление порядка» (Там же).

В России и на Западе историческое развитие шло аналогично. Однако на Западе частные союзы, а затем государство создались раньше, чем в России. Дело в том, что русский патриархальный быт был прочнее западного, и поэтому русские труднее расставались с ним. Потребовалось вмешательство варяжских дружин, чтобы разрушить его и ускорить приход русского народа к иным формам общежития.

Современные исследователи подчеркивают, что Чичерин был первым русским историком, который, в отличие от Погодина, Кавелина, Соловьева и славянофилов, не был чистым сторонником норманнской теории, он обратил внимание на разложение родового быта славян еще до прихода варягов (см.: Ерыгин, 1987, 155).

Новому вотчинному строю Московской Руси Чичерин посвящает несколько ранних работ, в частности «Холопы и крестьяне в России до XVI века» и «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей». В них он утверждает, что личность «во всей ее случайности» и свобода «во всей ее необузданности» составили основу нового гражданского строя. Варяги не создали русской государственности. Родовые отношения на Руси сохранялись еще долго, но определяющей роли в жизни народа они уже не играли. После прихода варяжских дружин, основанных на внутреннем договоре свободных лиц, общественное единство народа, покоящееся на кровнородственных связях, разрушилось, появились частные интересы. Постепенно на землю осели князья, сделавшиеся как бы устроителями русской земли, поскольку они стали покорять кочующие племена и подчинять их государственному порядку. Правда, Чичерин не объясняет, почему именно князья «осели» и начали государственное строительство Руси. «Общественною связью служило либо имущественное начало — вотчинное право земле-владельца, либо свободный договор, либо личное порабощение одного лица другим... В обществе появились сословные элементы, происшедшие от наследственности занятий и наследственности чести. Вследствие господства силы образовалось между людьми бесконечное неравенство... Война сделалась главною целью владычествующих слоев общества» (Чичерин, 1858а, 268). В другой работе Чичерин обращает внимание на «бессмысленное брожение народных элементов», начавшееся в этот период. Рухнув-

шие скрепы родового строя привели к тому, что «все предались кочевому стремлению — и князья, и бояре, и слуги, и торговцы, и поселяне; пошли они ходить по всему пространству широкой Руси, нигде не останавливаясь прочным образом, нигде не образуя постоянных и крепких форм жизни. Даже вольные города Новгород и Псков, где общественное начало было более развито, представляют пример такой неурядицы, какую едва ли можно найти в другом месте» (Чичерин, 1974, 60—61).

В большой работе «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей» русский мыслитель показал существование гражданского быта, то есть «догосударственного» периода русской истории, на примере отношений высшего класса вотчинников-земледельцев, связанных в определенную иерархию посредством договорных отношений. Безгосударственный хаос существовал достаточно долго. И только введение наследования старших сыновей послужило ему пределом, восстановило единство Руси, и вотчинник стал государем (Чичерин, 1858а, 335—336).

Чичерин рисует картину постепенного размежевания общества, когда один князь «усиливался за счет других», большие владения дробились, многие из них порабощались более сильными. Этот процесс привел в конечном итоге к тому, что «начали собираться раздробленные, и создалось наконец единое тело, с единым главою, который, сделавшись единовержцем, мало-помалу снял с себя прежний тип вотчинника и стал сознать себя государем. Таким образом, крайнее развитие личного начала повело к водворению начала совершенно противоположного — начала государственно-го. Это диалектический процесс исторические явления, который мы здесь не выводим а priori, а наблюдаем на деле» (Там же, 336). Возникновение государства вывело на новые общественные отношения, привело к возникновению сословий — крепостных (об этом Чичерин написал статью «Холопы и крестьяне в России до XVI века»), дворянства, духовенства, городского населения («промышленное сословие»). «Элементы остались прежние; они были взяты из быта, основанного на частном праве, но они получили более цельности, определенности и приобрели государственное значение. Государство только приспособило их к своим целям, заставив их служить общему делу» (Там же, 325—353). А обратный процесс прикрепления крестьян к земле, а служилого сословия к службе государ-

ству шел на пользу развитию общественных сил и государства. Русский мыслитель подчеркивает: «Это было укрепление не одного сословия в особенности, а всех сословий в совокупности; это было государственное тягло, наложенное на всякого, кто бы он ни был. Все равно должны были всю жизнь свою служить государству, каждый на своем месте» (Чичерин, 1858а, 227). Русский историк и государственный деятель, он неоднократно заявляет о том, что русское государство организовалось с в е р х у, действием правительства, а не самостоятельными усилиями граждан (см.: Там же, 380—381). Предложенная Б. Н. Чичериным картина становления русской государственности имеет, как считают исследователи его творчества, несколько недостатков. Во-первых, Чичерин не видел на Руси никакой государственности вплоть до XV в. А во-вторых, он считал, что только княжеская власть была единственным двигателем русского исторического процесса (Искра, 1995, 175).

Как и прежде, Чичерин подчеркивает, что государство в России возникло одновременно с европейскими странами, поскольку «Россия — страна европейская, которая не вырабатывает неведомых миру начал, а развивается, как и другие, под влиянием сил, владеющих в новом человечестве» (Чичерин, 1899, 355—356).

Возникновение, развитие и укрепление государства в России осуществлялось в рамках двух этапов, названных Чичериным «закрепощением» и «раскрепощением». На первом (XV—XVIII вв.) шла централизация всей общественной жизни, создание полной «государственной организации». Этот процесс проходил, как мы указывали раньше, в следующей последовательности: после того как князья осели на землю, они получили некоторые преимущества, став центрами образующейся государственности. Дружинники и бояре оставались кочевыми, обладая личной свободой и правом передвижения. С появлением государственности князья получили право облагать податями подвластных им, причем эти подати со временем стали неимоверно тяжелыми и распространились на все слои населения. Народ, естественно, пытался освободиться от этих податей, и государству пришлось «сдерживать расходящиеся массы». В России государство должно было с о з д а т ь общество и восполнить тем самым недостаток самодеятельности снизу избытком государственности сверху. Осуществлено было создание сословий путем отмены возможности свободного

передвижения для бояр и слуг. В результате они, получив земли, тоже осели и превратились в государственных холопов, которые были обязаны служить пожизненно. Так было установлено крепостное право (см.: Чичерин, 1899, 362), обязывающее служить всех: служилые люди выполняли военные и гражданские обязанности, посадские и крестьяне были обложены податями. В этом состояла суть закрепощения.

На втором (XIX в.) — начался и развивался процесс либерализации государственной жизни, достижение «всеобщего единения». Этот этап характерен тем, что к его началу «вековой процесс государственной организации наконец совершился; управление, постепенно расширяясь от корня, как дерево, пустило свои ветви по всем областям, а централизация увенчала все здание и сделала его покорным орудием единой воли» (Чичерин, 1974, 76). Но одновременно с объективной необходимостью начался обратный процесс освобождения общественных сил, и «народного элемента» особенно, из-под жесткой опеки государства, т. е. начался процесс раскрепощения: от государственной и иных форм зависимости постепенно освобождались вначале дворяне, затем горожане, а после 1861 г. — и крестьяне (см.: Чичерин, 1858а, 190—231).

Выражая назревшую к середине XIX в. необходимость изменения общественной жизни в России и свою собственную политическую платформу, к разработке которой он приступал, Б. Н. Чичерин писал в герценовских «Голосах из России»: «Разумеется, власть не может позволить различным интересам восставать друг на друга и действовать открытою силою, ибо это было бы узаконение анархии, но иметь и высказывать мнения и требования, отличные от мнений и требований правительства, — это законное право народа, без которого он лишается всякой самостоятельности и всякого общественного значения. Каждый общественный интерес, вокруг которого группируются отдельные лица, должен жить и развиваться самобытно, согласно с законами внутренней своей природы, а не по мерке, данной извне» (Чичерин, 1974, 69).

Таким образом, заканчивая обзор чичеринской концепции русской истории и государственности, можно сделать вывод о ее политической ориентации, утверждающей неизбежность превращения русского самодержавия в свободное государство с либеральными принципами общегражданского строя.

У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Б. Н. Чичерин является первым отечественным ученым, разработавшим основные начала политологии, т. е. политики как науки. Третью часть своего «Курса государственной науки» он назвал «Политикой» и посвятил ее проблемам не только этот объемный том, но и большое количество экскурсов в других работах. К примеру, уже во вступительной лекции по государственному праву он предупреждал слушателей: «Теория политики, основанная на всестороннем изучении философии, права и истории народов, составляет лучшее руководство для практики» (Чичерин, 1861, 14).

Приступая к изучению политики как науки, Чичерин определяет ее как «науку о способах достижения государственных целей» (см.: Чичерин, 1894—1898, ч. 3, 1; далее эта работа цитируется с указанием страниц в скобках). Правильное понимание и изучение этих целей и есть основание здоровой политики. А поскольку управление государством всегда руководствуется политикой, каждый политический деятель, преследуя политические цели, сам отыскивает необходимые средства для их достижения. «В этом смысле политика есть не наука, а практическое искусство, существовавшее задолго до появления какой бы то ни было государственной политики. Здесь практика не только предшествует теории, но и указывает ей путь» (2). Таким образом, политика как теория (наука) и практика (деятельность) взаимосвязаны. Исходя из этого, русский ученый предъявляет высокие требования к политическим деятелям, являющиеся неизменно актуальными: «Политический деятель должен иметь ясное понятие о состоянии и потребностях общества; он должен ясно сознавать и самые цели, которые можно иметь в виду при существующих условиях, определить, что на практике неисполнимо и что должно быть отложено; наконец, он должен иметь понятие и об общем ходе истории,

о том, к чему естественным движением жизни влекутся народы и государства, что следует поддерживать и с чем надобно проститься: иначе он рискует дать политической жизни ложное направление, потратить силы и средства государства на то, что обречено на гибель, и тем самым подорвать собственное его существование» (2). Конечно, это задачи весьма сложные, и чем сложнее государственная жизнь, тем выше требования, которые предъявляются к политику. История, утверждает Чичерин, демонстрирует чаще ошибки правителей, чем их успехи, что и доказывает, сколь высоки требования к ним и сколь редки удачные сочетания качеств теоретика и практика у государственных деятелей.

Самого Чичерина, как ученого-политолога, интересует политика как наука, изучающая явления государственной жизни в связи с условиями места и времени, в которых они совершаются, и с общим ходом истории. «Для того, чтобы служить мерилем явлений политической жизни народов, политика должна быть возведена на степень науки. А для этого необходимы научные основания и научная метода» (4). А позже добавляет, что необходимо также обязательное политическое образование как для политических деятелей, так и для народных масс.

Определяя методы политологии, Чичерин утверждает, что они прежде всего отличаются от методов естественных наук: если в природном мире действуют законы механической необходимости, то политика оперирует свободными человеческими действиями. Поэтому политика как наука должна опираться на общие законы движения человеческой жизни и истории, это наука, опирающаяся на эмпирические данные, или, как пишет ученый, «наука относительного. Она исходит от явлений, а явления суть нечто разнообразное и изменчивое» (8). Поэтому важнейшее методологическое требование, по его мнению, это всесторонность изучаемых политических явлений. Обязателен также целостный подход, чтобы свести разнообразное и изменчивое к общим началам, выражающим глубинные основания политики.

«Опираясь на явления, политика, естественно, должна следовать опытной методе, которая есть научный способ изучения явлений» (9). Будучи наукой опытной, она вместе с тем отличается от наук естественных. «Здесь человек становится предметом изуче-

ния во всех сторонах своего естества, не только как физическое, но и как метафизическое существо. Здесь можно видеть, к чему он стремится и чего он достигает. Здесь раскрываются и все стороны государственной жизни, те цели, которые ставит себе государство, и те средства, которые оно употребляет, великие деяния и крупные ошибки. Поэтому для политики история составляет самое первое и необходимое основание» (11), как и исторический метод, играющий в политологии важную роль. В политологии должно быть единство исторического и логического (теоретического, философского). Философские начала для политики так же нужны, как и исторические реалии. С точки зрения Чичерина, политика «обязана исследовать действие этих начал на практике, показать условия и способы их осуществления, выгодные и невыгодные последствия, проистекающие из них для общественной жизни» (15).

Помимо философии, есть еще два начала, которые чрезвычайно важны для политики: это право и нравственность.

Как философ, политолог и юрист, Чичерин исследовал проблемы права в разных аспектах, понимал право как свободу, определяемую общим законом. Свобода и право связаны диалектически. «Свобода, определенная законом, есть право в субъективном смысле; закон, определяющий свободу, есть право в объективном смысле... Физическое лицо создается не законом, а самою природою; из природы человека, как разумного существа, вытекают известные требования, которые он предъявляет к другим. Всякое посягательство на его свободу и на то, что приобретено свободною его деятельностью, есть нарушение прирожденного его права. Юридическое лицо, напротив, создается не природою, а законом. Прирожденных прав у него нет, а есть только установленные законом права и обязанности. Поэтому все, что оно может требовать, оно требует единственно во имя закона» (15—16). Таковы основные постулаты правопорядка.

Для политики важным моментом является то, что, с одной стороны, деятельность государства определяется правом и не должна выходить за его пределы, а с другой, само право является средством для достижения цели государства — общего блага. Государство благоденствует, когда эти две стороны диалектически рав-

новесны. Но это бывает нечасто, поскольку право устанавливает постоянный порядок жизни, а польза — начало изменчивое, разнообразное. Поэтому право не успевает за вечным движением жизни, которая порой представляет требования, расходящиеся с правом. Поэтому к нарушению права прибегают и государство, и его граждане. Из этой коллизии выход один — соблюдение закона. Поэтому цель политики — уважение к закону, все большее водворение правды в общественных отношениях в соответствии с условиями жизни.

В отличие от права, нравственность не имеет принудительного характера. «Источник ее лежит во внутренней свободе» (24). Поэтому нравственно то, что совершается по собственному внутреннему побуждению, а не из страха наказания. Нельзя заставить любить, совершать самопожертвование и т. п. Принуждение к нравственности есть безнравственность. «Как свободное существо, человек волен исполнять писанный в сердцах закон или от него уклоняться; за это он отвечает не перед человеком, а только перед Богом, непогрешимым судьей всякого нравственного поступка и всякого решения», — утверждает Б. Н. Чичерин. Поэтому государство как принудительный союз не должно вторгаться в область чисто нравственных отношений. В этом оно не должно помогать церкви, выступающей посредницей между Богом и человеком.

Нравственная сторона политики государства в другом. Его цель — общее благо, цель нравственная, поскольку нравственность заключается в деятельности в пользу других, следовательно, на общую пользу. На этом пути у государства очень много подводных камней. В политике для достижения цели порой приходится прибегать к противоречащим строгой нравственности средствам, и поэтому не всякое ее действие может быть оправдано. К примеру, не всякий государственный или народный интерес имеет право на существование. Народу может быть выгодно притеснять другой народ, но «перед нравственным судом интересы притеснителей стоят на одной доске с интересами воров и разбойников». То же относится и к безнравственным средствам, хотя они используются для достижения возвышенных целей.

Итак, нравственность не есть начало относительное, как политика: «Это — абсолютный закон, обязательный для совести всегда и везде. Человек не может от него отказаться, не отрекаясь от высшего своего достоинства как разумно-нравственного существа. Сознание этого закона может быть мало развито; оно может более или менее затмеваться; но это не мешает ему быть безусловным мерилom человеческих действий... политическое суждение и нравственное далеко не всегда совпадают. Политика оправдывает успех; она стоит на стороне победителей; нравственный же суд историка чаще склоняется на сторону побежденных» (32).

Не только для политики практической, но и для политики как науки нравственность является предметом ее забот. В этом случае политика как наука не обязана быть просто проповедницей нравственности: «...Исследуя политические отношения, как они проявляются в действительности, она обязана указать на все то неизмеримое зло, которое проистекает из безнравственного отношения к общественному делу... Наука должна выяснить, что государственная сила сама по себе не есть цель, а лишь средство для упрочения внутреннего благосостояния и разумной гражданственности, которой успехи измеряются развитием нравственных требований» (39—40). Другими словами, политика как наука, исследуя все политические формы в их практическом бытовании, должна раскрыть их выгоды и недостатки, те необходимые условия свободы, которые государство должно ей обеспечивать, и ту грань, за которой свобода переходит в своеволие. Наконец, политика как наука, обнимая все стороны государственной и общественной жизни, должна быть примером обращения к высшим общечеловеческим идеалам.

Политика разделяется на внешнюю и внутреннюю. В последней важное место занимает политика государственного устройства, законодательства, управления и, наконец, политика партий. О них, кроме последней, в той или иной степени будет сказано в следующем подразделе. Политика же партий представляет особый интерес, поскольку Чичерин явился одним из первых значительных российских теоретиков партийного строительства, разработав его достаточно подробно уже в книге «О народном представительстве» (1866), а затем и в трех главах шестой книги «Курса государственной науки» (1893, ч. 3).

В силу различия в общественном мнении, проистекающего из разницы точек зрения, умственных способностей, положения, интересов, образования, люди объединяются в некоторые разряды лиц общими взглядами и понятиями, которые в приложении к государственной жизни и политике становятся политическими направлениями. В случае, когда общество эти направления призывает к участию в государственных делах, они становятся партиями с определенной структурой, организацией, программой.

Таким образом, партии составляют, утверждает Чичерин, явление естественное и необходимое там, где есть политическая жизнь. Наличие политических направлений и партий — это первый признак высокого развития общества.

Наравне с направлениями и партиями в обществе существует значительная нейтральная часть, которая, не имея четкой политической ориентации, может примыкать к различным направлениям и партиям. Это обстоятельство заставляет партии удерживаться от односторонности, реагируя на запросы жизни.

Роль партий в жизни общества велика. Деятельность партий позволяет широко обсуждать политические вопросы общественного развития, межпартийные разногласия и сотрудничество, противостоять государственной власти. Из партийных рядов на арену политической борьбы выдвигаются политические деятели государственного масштаба. Русский политолог подчеркивает как важную еще одну сторону деятельности партий: «Государственный смысл партий состоит в умении понимать истинную сторону в мнениях противников. При такой постановке вопроса, очевидно, все сводится к своевременности принимаемых мер. Это и есть основной вопрос политики». В этом, по мысли Чичерина, смысл оппортунизма, который в своем позитивном содержании «имеет дело не с теоретическими принципами, а с изменяющимися потребностями и условиями практической жизни» (544—545).

Поскольку общество развивается, в нем умирает старое, рождается новое и соответственно диалектически существуют направления двоякого рода — охранительные и прогрессивные, каждое из которых необходимо и выполняет в государственной жизни свои функции.

Симпатии Чичерина как политического мыслителя явно на стороне охранительных партий. Он пишет: «Охранительная партия стоит на страже существенных сторон человеческих обществ — власти, закона, религии, семейства, собственности. Эти вечные начала составляют для нее святыню, которую она оберегает от всякого легкомысленного на них посягательства» (507). Охранительная партия признает свободу, поскольку без свободы нет независимых общественных сил, без которых, в свою очередь, нет и прочного порядка в государстве. Но у нее особое отношение к свободе как созидающему началу: она стремится связать ее с высшими требованиями власти и закона, т. е. «узаконить», или, по Чичерину, «ввести ее в надлежащую колею». Основная характеристика охранительной партии — ее ориентация на медленные, не терпящие резких скачков общественные изменения. «Даже при разложении известного общественного строя, — пишет Чичерин, — она дорожит всеми остатками прежнего порядка, которые сохраняют еще жизненную силу и могут принести пользу государству. Для нее освященные временем предания, дающие нравственную устойчивость обществу, имеют более значения, нежели стремления свободы к изысканию новых путей... К теоретическим построениям она относится безусловно враждебно» (508). Несмотря на это, охранительная партия, по мнению русского либерала, играет роль сдерживающего и направляющего цемента общественного развития.

Социальной базой охранительных партий являются господствующие слои общества, стоящие у власти. Иногда они пытаются привлечь на свою сторону народные массы, используя их «низменные инстинкты». Однако, как правило, каждая такая попытка не бывает долговечной. Охранители опираются также на церковь. Но церковь, утверждает Чичерин, отказывается от этого сотрудничества, что наносит реакционерам последний удар. Подобное утверждение Чичерина не подтверждено анализом и доказательствами и не может быть принято как абсолютно верное, поскольку история знает немало примеров тесного сотрудничества церкви, опасавшейся разрушительных действий радикалов, с реакционными направлениями в русском обществе.

Есть еще одно неслучайное положение в чичеринском анализе реакционных партий. Он утверждает, что деятельность реакцион-

ных (охранительных) партий — это реакция на деятельность левых (революционных) партий, разрушающих общественные устои. Таким образом, по Чичерину, если бы не было революционеров, то не было бы и реакционеров.

Реакционерам противостоят либералы и радикалы. Для прогрессивной («либеральной») партии свобода значит выше порядка и предания. Эта партия верит в прогресс, строит планы преобразований общества. «Но в своем одностороннем стремлении она способна более развязывать, нежели созидать. Ее начала преимущественно отрицательные... требования власти и порядка слишком часто находят в ней противодействие. Поэтому это партия по преимуществу оппозиционная» (508). И далее Чичерин весьма прозорливо замечает, что, получив власть в свои руки, такая партия «во имя теоретических начал» готова приняться за скоропалительные, необдуманые преобразования, не приложимые на практике, ведущие к разрушению. Жизнь приходится «преобразовывать» насильно. В результате свобода обращается в орудие притеснения, а либералы — в бюрократов.

Эволюционируя, эти партии в своих крайних основаниях превращаются соответственно в партию реакционеров и радикалов. Эти партии — результат одностороннего развития общественных начал. Чичерин эти партии также подвергает политологическому анализу. Он убежден, что реакционные партии «...отрицают новый порядок во имя высших начал, перед которыми должны преклоняться люди. Над изменяющимися событиями они воздвигают идею неизменного закона. Поэтому охранительные элементы общества находят в ней самую сильную поддержку против стремлений к разрушению» (510). Несмотря на некоторые симпатии к охранительной, реакционной партии, русский мыслитель находит в ней существенные недостатки. Суммируя их, можно указать на следующие: 1) реакционные партии понимают вечные идеи односторонне, нередко отождествляя их с уже отжившими; 2) они отрицают свободу и прогресс, как уклонение от вечного идеала, поэтому иногда для подавления свободы применяют силу; 3) они вызывают к темным инстинктам масс и часто используют их в своих интересах; 4) они используют как союзницу церковь с ее закостенелыми догматами.

При отсутствии развитой политической жизни сплоченной, имеющей свою программу реакционной партии в России так и не образовалось, хотя отдельные группы реакционных деятелей действовали весьма активно. После убийства революционерами Александра II такая реакционная партия во главе с М. Н. Катковым возникла, добившись от правительства некоторых мер, направленных на усиление цензуры, ограничение университетских свобод, подавление польского восстания и т. п.

Радикальные партии есть выражение крайностей либерализма. «Если либералы, стремясь к улучшениям, нередко покидают практическую почву во имя теоретических начал, то для радикалов отвлеченная идея, доведенная до крайних последствий, составляет начало и конец всех их политических воззрений... Радикализм не признает ни жизни, ни истории. Для него нет ничего вне принятого начала, которое он хочет провести во всей его логической последовательности. А так как этого нельзя сделать без коренного изменения всего существующего порядка, то радикальная партия, естественно, принимает революционный характер. Поэтому, отпавшая от свободы, она (радикализм) в конце концов становится отъявленным ее противником. Самый из всех деспотизмов тот, который устанавливается радикалами. Он водворяется во имя идеи, исключительной и нетерпимой; он взывает к слепым страстям народных масс, которые одни могут дать ему поддержку в борьбе с существующим порядком; наконец, он совершенно неразборчив на средства, оправдывая их благою целью, как часто бывает, когда люди прибегают к насилию во имя мысли. С другой стороны, эта беспредельная преданность односторонней идее и готовность все принести ей в жертву дают радикальной партии такую энергию, которою никогда не обладают либералы» (515—516). Эта большая выдержка из «Курса государственной науки» Чичерина дает, как нам кажется, четкую и верную характеристику радикализма и его партии, которая покоится на исторических примерах. А далее идет уникальный прогностический разбор утопического характера радикализма. Свои претензии на изменение общественных отношений радикалы могут осуществить только с помощью переворота. И в этом смысле они революционеры. Это, по Чичерину, их важнейшее отличие от либералов и их партий.

Поэтому нельзя благодушно относиться к революционному движению, которое использует малейшие затруднения в общественном развитии для своих выступлений. Хотя революционеры уступают либералам в числе, они более организованны, энергичны, готовы к страданиям. Даже маленькие группы революционеров представляют силу, с которой необходимо считаться. Еще большую силу они приобретают в периоды великих общественных потрясений, как это было во время Великой французской революции.

Наибольшую опасность представляет радикализм, соединенный с социалистической идеей. Чичерин при этом утверждает, что даже анархизм лучше социализма, ибо «фантастический идеал свободы лучше, нежели фантастический идеал полнейшего рабства» (516). Это утверждение не может быть верным, поскольку в основании анархизма заложен хаос в общественной жизни и отношениях, а народ, как правило, стремится к порядку и поэтому готов поддержать даже диктатуру.

Социалисты, подчеркивал Чичерин, являются дисциплинированными и сплоченными. «Организуясь в сплоченную партию, социализм становится общественной силой, которая тем опаснее, чем она увлекает за собой массы, не способные понять то, что им проповедают, и обольщаемые приманками всевозможных благ. Социал-демократы составляют главную язву современных европейских обществ» (Там же). Верно подметив подъем социалистического движения в Европе и России, Чичерин указывает, что его причина в социально-экономических изменениях общественного развития, в росте сознательности народных масс, которые справедливо требуют своей доли материальных и культурных благ. Они их заработали, заслуживают, и их им надо дать, утверждает русский мыслитель. А дать эти блага может капитализация российской экономики. Социалисты же предлагают другой и неверный путь: экспроприировать богатых в пользу бедных. Для народных масс этот путь соблазнителен и легок (почему он и имеет среди них успех), но он для них губителен, поскольку в конечном итоге народные массы получают нищету. Еще задолго до начала и практического строительства социализма в нашей стране русский либерал назвал такие отрицательные его стороны, которые проявились лишь спустя десятилетия. Чичерин считает, что социализм

как учение, присущее радикализму, противоречит и самому себе, и природе человека; желая облагодетельствовать человеческий род, он превращает человека в слепое орудие всеохватывающей машины. Всякое личное начало, энергия, инициатива в нем подавляются. «Во имя свободы происходит полнейшее отрицание свободы, во имя нравственности водворяется всеобщее принуждение, то есть полнейшая безнравственность; во имя обилия всех земных благ проповедуется порядок вещей, который может иметь последствием только повальную нищету» (515). Впечатляющий прогноз, с которым Россия столкнулась в советское время. Нельзя не согласиться со следующими выводами А. Валицкого: «Исторический опыт нашего столетия показал дальновидность предостережений Чичерина. Совершенно очевидно, что наиболее опасным врагом человеческой свободы оказались (что, кстати, тоже предвидел Чичерин) секуляризованные, атеистические формы старой хилиастической мечты о земном рае. Наиболее грозной среди них была та форма коммунистического движения, которая пыталась осуществить свой идеал при помощи сплоченной, строго дисциплинированной организации, специально созданной для этой цели и принципиально оправдывающей неограниченное насилие» (Валицкий, 1991, 34).

Распространение социализма связано, по мнению Чичерина, с невысоким уровнем политической мысли, низким образованием народных масс и неудовлетворительным уровнем их благосостояния. Против социалистов надо бороться не силой (хотя и этот путь Чичерин не отрицал), а устранением социальной и экономической почвы их существования, т. е. «постепенным распространением благосостояния в массах» (518). Наука, политическая мысль, в свою очередь, должны показать несостоятельность социалистической идеи.

Наличие в обществе классов и партий неизбежно ведет к классовой борьбе. Либералу Чичерину хотелось бы, чтобы эта борьба была «регламентирована» рамками государственных предписаний. Одновременно он понимал, что рабочие жаждут изменений, которые правительство им дать не может. К пролетариату присоединяются необеспеченные слои интеллигенции («умственный пролетариат»). В результате образуется ударная сила революции. К тому же растет влияние рабочей партии, которая с введением всеоб-

щего избирательного права и парламентаризма получает соответствующие уже легальные возможности политической борьбы. Как здравомыслящий политик и ученый, Б. Н. Чичерин видел реальную опасность и перспективу классовых столкновений, возможности победы пролетариата.

Русский политолог обращает внимание на возможное влияние в обществе религиозных партий, когда в политическую борьбу за власть вовлекаются клерикалы, и националистических партий, использующих недовольство одних народов (чаще всего малых, угнетенных) по отношению к другим.

Как либерал-консерватор, Б. Н. Чичерин признает значение политической борьбы различных партий в обществе, но желал бы, чтобы она проходила «в пределах умеренности, с уважением к противникам, с соблюдением нравственных требований» (544). А поскольку современная жизнь характеризуется не примирением партий, а обострением борьбы между ними, необходимо какое-то сдерживающее начало, «возведенное над борьбою партий и представляющее отечество в его постоянных основах и в его высшем единстве» (551). Таким сдерживающим элементом может быть, по мнению Чичерина, только монархическое начало. Но обязательно «эластичное», следующее изменяющимся потребностям жизни, понимающее ее нужды. В дальнейшем своем анализе форм правления и «политики государственного устройства» он попытается доказать необходимость для России конституционной монархии как лучшего образа государственной власти.

ИДЕОЛОГ РУССКОГО ОХРАНИТЕЛЬНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА. ВЗГЛЯДЫ НА ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Историки отечественной политической мысли считают, что русский либерализм имеет свою историю, в которой принято выделять три этапа.

Первый, называемый **правительственным**, охватывал период либеральных реформ Екатерины II и Александра I. Наиболее адекватно он выражен в конституционных проектах М. М. Сперанского, в либеральных надеждах некоторых декабристов. Хотя он и насаждался «сверху», его смыслом и идеалом была ограниченная просвещенная монархия.

Второй, чаще всего называемый **охранительным** или **консервативным**, охватывал пореформенный период. Наиболее адекватно он выражен в трудах К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, П. Б. Струве, в либеральном движении российского земства, в программах буржуазно-либерального движения.

Третий этап — это так называемый **новый либерализм** предреволюционных лет российской истории. Его важнейшим лозунгом было требование права каждой личности на достойное существование. Наиболее адекватно он выражен в трудах М. М. Ковалевского, П. И. Новгородцева, Н. И. Кареева, С. И. Гессена и других, стремлениях воплотить в жизнь идею правового государства (см., например: Леонтович, 1995; Гнатюк, 1994; Осипов, 1996; Приленский, 1995а и др.).

Чичерин был либералом, одним из выдающихся идеологов русского либерализма, тем не менее он неоднократно именовал себя консерватором. Такое сочетание — «либерал» и «консерватор» — требует объяснения, тем более что оба эти понятия, особенно последнее, до недавнего времени имели только отрицательные

характеристики. Причем такое негативное отношение к консерватизму имеет давние российские традиции: консерваторами всегда называли ретроградов, выступающих противниками общественных перемен.

Русский политолог тщательно проанализировал содержание и практику консерватизма и пришел к выводу, что консерваторы представляют собой своеобразную охранительную партию, защищающую вечные начала общественной жизни — власть, закон, религию, устои семьи и собственности. При этом консерваторы не отрицают свободу, но стараются, чтобы она была связана с требованиями власти и закона. «Дальновидные» консерваторы сами осуществляют нововведения во избежание разрушительных действий различных общественных сил. Консерваторы как охранительная партия противятся непродуманным, радикальным мерам общественного переустройства. «Вообще же она [партия консерваторов] предпочитает медленные и постепенные улучшения, избегая всякой ломки, щадя упроченные интересы. Даже при разложении известного общественного строя она дорожит всеми остатками прежнего порядка, которые сохраняют еще жизненную силу и могут принести пользу государству», — пишет он в «Курсе государственной науки» (Чичерин, 1894—1898, ч. 3, 507—508).

Одна из сильных сторон консерваторов, по мысли Чичерина, заключается в том, что они основанием своей деятельности утверждают не политические доктрины, а запросы жизни. Поэтому-то консерваторы являются гарантами социальной стабильности в обществе. Но этот практицизм консерваторов закрывает для них перспективы общественного развития. Как верно замечает Л. М. Искра, «...слепая приверженность даже к самой прекрасной теории в конечном итоге приводит к отрыву от реальной действительности и оборачивается бесплодным принесением в жертву идеям миллионов жизней. Но, с другой стороны, сугубый практицизм в политике лишает возможности увидеть более отдаленную перспективу, которая со временем имеет решающее значение» (Искра, 1995, 7).

Неоднозначно относился Чичерин и к либералам. Будучи идеологом русского либерализма, он вместе с тем видел все слабые стороны, связанные с их вольным отношением к законам, общественному порядку, что ставило их в оппозицию к существующе-

му строю. Вторым недостатком либералов, по мнению Чичерина, является постоянно ощущаемое стремление к возможно быстрым изменениям в обществе, слабая опора на реалии жизни.

Четкое осознание положительных сторон и недостатков консерваторов и либералов позволило Чичерину как политическому мыслителю понять их в единстве противоположностей. Поскольку общество не может не развиваться, оно имеет как устойчивые формы и определенный, подтвержденный временем порядок, так и тенденции к их изменению. По мысли Чичерина, должно быть определенное диалектическое соотношение либеральных и консервативных тенденций в общественном развитии — как развития, так и торможения. Отсутствие или умаление одного из них ведет к перекосу и конечной гибели общества: отсутствие развития ведет к застою, который может закончиться взрывом, т. е. революцией, а отсутствие торможения ведет к разрыву с традициями, корнями, что ведет к релятивизму.

Есть еще один принцип размежевания этих двух направлений общественной жизни. Чичерин считает что либералы — это партия свободы, а консерваторы — партия порядка. И опять-таки диалектически подходя к этому определению, он полагал, что и те и другие правы. Поэтому общественное развитие должно соединить в себе достоинства обеих позиций: «идеальная модель общежития состоит в том, чтобы сохранять, улучшая» (Чичерин, 1894—1898, ч. 3, 507). Поэтому свою политическую позицию он оценивал как охранительный либерализм (т. е. либерализм, несущий в себе достоинства консерватизма), основные характеристики которого он видел в следующем: «Сущность охранительного либерализма состоит в примирении начала свободы с началом власти и закона. В политической жизни лозунг его: либеральные меры и сильная власть, — либеральные меры, представляющие обществу самостоятельную деятельность, обеспечивающие права и личность граждан... сильная власть, блюстительница государственного единства, связующая и сдерживающая общество, охраняющая порядок, строго надзирающая за исполнением закона... разумная сила, которая сумеет отстоять общественные интересы против напора анархических стихий и... воплей реакционных партий» (Чичерин, 1862, 184—197, 199—200).

Охранительный либерализм Чичерина на равных признает и свободу, и «охранительное начало».

Б. Н. Чичерин понимал, что классический либерализм уже не отвечает духу времени, обнаруживая два недостатка — он преувеличивает роль индивидуальной свободы в общественной жизни и недооценивает роль политической власти. Эти его недостатки практически привели к европейским революциям, а в теории обнаружили следующее противоречие: «Вне общества человек может быть свободен, но он не имеет прав; он получает их только в обществе. Поэтому и образование человеческих обществ не может быть выведено из договора. Последний предполагает право, а право возникает только в обществе» (Чичерин, 1882—1883, ч. 1, 39). Если в политической теории исходить исключительно из прав и свобод человека, это неизбежно приведет к анархизму, поскольку «для лица исчезают всякие гарантии» (Там же, 40). А попытка «охранительными функциями» подменить управленческие функции государства ведет к «окаменению» общества, тоталитаризму. Поэтому необходимо эти два начала — свободу и государственность — как-то «развести» и установить между ними обратно пропорциональную зависимость: «Можно поставить общим политическим правилом, что чем менее единства в обществе, тем сосредоточеннее должна быть власть, и наоборот, чем более крепнет общественное единство, тем легче власть может быть разделена. На этом законе основывается возможность или невозможность политической свободы» (Чичерин, 1899, 316).

Проблемное поле Чичерина как политического мыслителя, как видим, замыкается на нескольких исходных понятиях, главные из которых — свобода, власть и закон. Вокруг них он и строит свою концепцию охранительного либерализма, пытаясь найти разумное «гармоничное соглашение» между ними, а также между основными союзами человеческого общежития — семьей, гражданским обществом, государством и церковью.

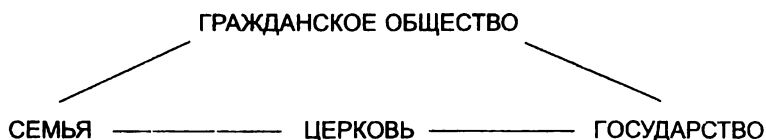
В традициях русской философии свой анализ Б. Н. Чичерин начинает с выяснения сущности личности, находя ее в свободе: «Свобода составляет самую духовную сущность человека, неотъемлемое его определение как разумного существа. Развитие именно состоит в том, что начала, лежащие в глубине природы, проводят-

ся в сознание и проводятся в жизнь. Поэтому признание человека свободным лицом составляет величайший шаг в историческом движении гражданской жизни; оно обозначает ту ступень, на которой гражданский порядок становится истинно человеческим» (Чичерин, 1900в, 107). Или в другом месте: «Как единичное существо, — пишет он, — человек по самой своей природе есть существо свободное. Самоопределение составляет вечное и неизменное его требование, неуважение к которому является посягательством на достоинство человека» (Чичерин, 1892, 202). Развивая эту мысль. Чичерин утверждает, что общественные отношения, духовная сфера жизнедеятельности могут быть поняты только через свободу личности, поскольку «...можно метафизически называть общество организмом; но никогда не надобно забывать, что это не естественный организм, в котором все части связаны законом необходимости и служат только орудиями целого, а организм духовный, состоящий из самостоятельных, свободных членов, имеющих каждый свои личные цели и соединенных свободной целью» (Там же, 223). Именно личность определяет начало общественных отношений: «...личность есть пребывающая сущность... сущность единичная и духовная, т. е. озаренная разумом и волей». Свобода как сущность человека проявляется двояко — как право («внешняя» свобода) и как нравственность («внутренняя» свобода). Они сочетаются в разных вариантах: «...где нет свободы, там нет субъективного права, где нет закона, там нет объективного права; к этим двум началам присоединяется власть, призванная охранять закон и сдерживать свободу» (Чичерин, 1900в, 54—55).

С понятием свободы политический мыслитель связывает понятие общественного идеала, полагая, что «идеалом человеческого общежития может быть только свободное общество в свободном государстве». Этот идеал вполне достижим, поскольку свободный по своей природе человек таковым остается во всех возможных союзах, в которые он вступает. «Свободным он является и в гражданском порядке, где свобода и равенство суть основные начала, и в отношении к нравственным требованиям, которые обращаются к его внутренней свободе, не подлежащей принуждению, наконец, в государстве, которое есть союз свободных лиц во имя совокупных интересов, а не машина, подавляющая всякую личную

самостоятельность» (Чичерин, 1894—1898, ч. 2, 422; далее ссылки на это издание даются с указанием части и страницы).

В истории, как мы уже отмечали ранее, происходит смена союзов. Первоначальный союз — семейный — также основан на свободе. Согласно духовной природе человека в нем естественной связью соединяется нравственная связь, дающая первой больше прочности и высшее значение. С расширением родства эта природная связь слабеет и союз распадается. Лицо отрывается от своих естественных определений и, становясь источником силы и деятельности, создает собственный мир общественных отношений, в котором субъективное начало выходит на первый план. Ранес указывалось, что у субъективной свободы две формы — внешняя и внутренняя, создающие соответственно два противоположных союза — гражданское общество, основанное на начале юридическом, и церковь, основанную на нравственно-религиозном начале. Эта противоположность снимается в верховном союзе — государстве. В государстве также осуществляется свобода, обозначающая подчинение ее объективным законам духа. Здесь свобода — это не абсолютное самоопределение лица, а его участие в совокупных решениях. На высшей ступени духовного развития, где объективное начало определяет все остальное, субъективное начало сохраняет свое значение как часть, живущая общей жизнью с целым. Поэтому идеалом является свободное правовое государство. Общая схема развития союзов в результате выглядит следующим образом:

Эти четыре союза определяют четыре начала общежития: семья — внутреннюю идею (цель), гражданское общество — свободу, церковь — закон, государство — власть. Государство объединяет все остальные союзы. Оно «союз народа, живущего под верховной властью» (ч. 1, 4). Таким образом, для русского политолога ключевым понятием для определения сущности государства является **власть**.

Вслед за Гегелем, он полагал, что политическая власть осуществляется как воля разума. Она основа государства. Общественная власть приводит к единству свободы и закона. Но у Чичерина были и расхождения с Гегелем. Он считал, что единственной основой свободы являются только законодательные начала власти, поскольку власть возвышается над всеми частными интересами, а руководство граждан совершается с помощью обязательных правовых норм, устанавливаемых законом. Именно закон определяет пределы власти и обязанности граждан. Конкретным объединительным началом общества выступает верховная власть. Она есть идея, а государство — воплощение этой идеи. Верховная власть, таким образом, — это «воля, имеющая право повелевать» (ч. 1, б). Ее важнейшая характеристика — насилие, подавление любых проявлений сопротивления государственным распоряжениям. Конечно, такое насилие — зло, но это значительно меньшее зло, считает Чичерин, чем неподчинение законам. Государство должно быть сильным, авторитетным органом, обеспечивающим безопасное и правовое существование общества и всех граждан.

Чичерин, как Гегель, сводил бытие к четырем началам — производящему, формальному, материальному и конечному, которым в социальной жизни соответствуют: производящему — власть, формальному — закон, материальному — свобода, конечному — общее благо. Эти четыре элемента присущи любому союзу, но со специфическим преобладанием одного из них. Так, в семье это власть, в гражданском обществе — закон, в церкви — свобода, в государстве — общее благо. Власть, проходя через все эти союзы, является особой политической категорией, достигая своего высшего выражения в государстве.

Люди объединяются в государство во имя самых высших целей, т. е. свободы и правопорядка. Причем в государстве объединены люди различных возрастов и сословий. В этом смысле государство скорее союз духовный, под знаком единой идеи общего блага, которая в определенном смысле является священной. Эта общая духовность, как считает Чичерин, превращает государство в Отечество. Любовь к нему облагораживает общие устремления людей, сплачивает их в минуты опасности.

Кстати, перед лицом опасности на второй план уходит гнет собственного правительства.

С определением первенства духовного фактора над остальными становится понятной позиция Чичерина, утверждающего надклассовый характер государства. Эту позицию он продемонстрировал, как мы уже отметили, в анализе процессов возникновения русского государства: после разрушения родового строя в обществе нарушается единство, и только возникновение монархии спасает его от окончательного распада. Государство как независимая от классовых позиций сила, сдерживает распад общества, представляет интересы различных его слоев, защищает низшие слои от притеснения господствующих. Наконец, надклассовое государство осуществляет переход общества из одного строя в другой. В Средневековье возникло сословное государство, на смену которому пришел общегражданский (капиталистический) строй с четким разделением политических и гражданских сфер. Дальнейшее развитие гражданских и политических процессов поставило на повестку дня необходимость определенной эволюции монархической государственности в сторону ее либерализации, чтобы привести к «гармоническому соглашению» все общественные элементы (ч. 2, 38—39, 42).

К проблемам государства Б. Н. Чичерин обращается в большинстве своих работ, определяя его как «союз народа, связанного в одно юридическое целое, управляемое верховной властью для общего блага» (Там же, 3). В государстве идея общего блага достигает пика своего развития, а остальные элементы сводятся к нему.

В приведенном выше определении государства важным является понятие «народ». Чичерин считает, что существует два определения этого понятия — этнографическое (народ — совокупность людей общего происхождения, языка, культуры) и юридическое (народ — совокупность людей под началом государственной власти). В основном мыслитель пользуется вторым определением, считая, что этнографически народ может принадлежать различным формам государственной власти. Кроме того, народ — понятие диалектическое, т. е. о нем можно говорить как об единстве, так и о множестве. Как единство народ, по мысли Чичерина, тождествен государству, целиком входя в него как правительство, а как

множество народ — совокупность граждан, подчиняющаяся правительству. Он указывает, что народ не бессловесная масса, он обладает определенными правами и свободами, подчиняется власти не абсолютно и может быть не только управляемым, но и путем самоуправления сам участвовать в общегосударственном управлении. Это диалектическое обстоятельство нельзя нарушать под страхом скатывания либо к тирании, либо к анархии.

И еще на одно диалектическое соотношение указывает Б. Н. Чичерин — на соотношение государства и общества: государство объединяет людей для выполнения общей цели, а общество представляет совокупность различных частных (экономических, духовных, нравственных и иных) отношений. В определении Чичерина, «совокупность частных отношений между людьми, подчиняющихся общей политической власти, и есть то, что называется обществом. С юридической стороны, насколько оно управляется нормами частного права, оно получает название гражданского общества» (ч. 2, 2).

Итак, государство обеспечивает общенациональные интересы. Личные интересы граждан, как духовные, так и материальные, не его прерогатива. «Государство не ставит себе целью частного блага своих членов... Государство есть союз, возвышающийся над другими союзами, а не поглощающий их в себе. Поэтому и цель его не совпадает с целью других союзов. Существенное отличие состоит в том, что цель общая, а не частная. Но так как благо целого зависит от благосостояния частей, то косвенно целью государства становится содействие частным интересам. Поскольку это содействие необходимо, это вопрос, решение которого зависит от изменившихся условий жизни. Но коренное начало состоит в том, что вмешательство государства в область частных интересов составляет исключение, а не правило» (ч. 1, 7). Люди, сообразуясь с уровнем развития общества и жизненными обстоятельствами, сами вырабатывают стратегию своего жизненного пути. В этом утверждении Чичерина есть доля истины, поскольку государство действительно не должно вмешиваться в личную жизнь людей, регламентировать все сферы их деятельности. Такая регламентация наблюдается и сегодня в одном из последних социалистических государств — Северной Корее. Правда, государство не может

и не должно полностью устраниваться от частной жизни граждан, поскольку в любых обществах, даже в самых высокоразвитых, есть слои населения, требующие социальной защиты.

Так же диалектически государство должно поступать и со свободой отдельных граждан и политических сил, действующих в обществе. С одной стороны, оно должно предоставлять эту свободу по возможности без каких-либо ограничений; с другой стороны — «защищать» ее как от отдельных граждан, выступающих против общих интересов и целей государства и общества в целом, так и против политических сил, подрывающих общественный строй и наносящих ущерб государству и его гражданам.

Большая часть трехтомного «Курса государственной науки» Б. Н. Чичерина посвящена сравнительному анализу «чистых» (монархия, аристократия, демократия) и «смешанных» (смешанная республика, конституционная монархия) форм государственного устройства. Он утверждает, что каждая форма правления имеет свои достоинства и недостатки, причем исторически реализуется та форма правления, для которой существуют обстоятельства и уровень общественного развития, политические потребности, а также национальный характер народа. В одной из своих ранних работ Чичерин писал: «Общественные учреждения вытекают из исторических условий, из народного духа; они сообразуются с местными данными, со степенью развития, на которой стоит общество. Учреждения переплетаются со всем бытом народа, а потому обсуждать их следует не отрешенно, а в связи с целой существующей системой» (Чичерин, 1858б, *XVIII*). Отсюда вытекает, что никакая унификация при оценке каких-либо политических явлений, учреждений, форм правления невозможна.

Особый интерес Чичерин проявляет к монархии, как абсолютной (чистой), так и конституционной. Абсолютная монархия в России существовала и была единственной в ее истории формой государственного устройства, а конституционная монархия представлялась Чичерину идеалом, к которому должна стремиться абсолютная монархия. Абсолютная монархия — это верховная власть, принадлежащая единственному человеку — монарху. Это сильная, прочная, надпартийная власть, способная охранять в обществе внешний порядок и осуществлять крупные преобразования.

У абсолютной монархии есть как сильные, так и слабые стороны. Единство власти, позволяющее быстро реагировать на экстремальные ситуации; надпартийность; приспособленность к свершению крупных общественных преобразований во имя общего блага; положение, занимаемое над частными интересами и борьбой партий, — это сильная сторона абсолютной монархии. К слабым сторонам относятся: замещение власти не по способности и заслугам, а по факту рождения; соблазн неограниченных возможностей и силы, ведущий к нарушению прав; предпочтение внешнего порядка внутреннему.

Монархия сильна также любовью народа к монарху. Как только эта любовь исчезает, монархия обречена. Ускоряет ее падение развитие общественных отношений и общественного сознания, рост самостоятельности, возникновение антагонистических классов и борьба между ними. Сохранить рушащуюся монархию не может ни бюрократия, ни армия — два ее главных оплота.

Сильная сторона Чичерина как политического мыслителя в том, что он, несмотря на свои монархические симпатии, проанализировав исторические судьбы и возможности абсолютной монархии, пришел к выводу, что она выполнила свою историческую миссию и для ее сохранения требуется определенная трансформация, превращение абсолютной монархии в ограниченную — конституционную монархию.

Неудовлетворительны, по его мнению, и другие формы правления, например аристократия — как «правление лучших людей, или способнейшей части общества» (ч. 1, 141). Аристократия бывает естественной при естественном превосходстве одних людей над другими и искусственной, основанной на привилегиях, зачастую не имеющих оснований. Аристократия возникла давно, потому что фактическое равенство было только в первобытном обществе.

К аристократии у Чичерина особые отношения: он являлся сторонником естественной аристократии, одновременно идеализировал английскую аристократию и с уважением относился к немецкой. А главным достоинством аристократической формы правления считал обдуманность принимаемых решений. Возможности же русской аристократии Чичерин оценивал невысоко. Исторически она

оказалась несостоятельной. По его мнению, аристократическая элита (под ней он понимал высшие слои буржуазии и интеллигенции) как «независимый политический элемент» может служить «самою сильною сдержкой как монархии, стремящейся к неограниченной власти, так и демократии» (ч. 3, 174).

К недостаткам аристократической формы правления мыслитель относил эксплуатацию меньшинством большинства, ограничение доступа народных масс к образованию и материальным благам (см. об этом: Там же, ч. 1, 141—146; ч. 3, 154—174). Эта форма правления является редкой, потому, что народные массы охотнее подчиняются монарху, чем небольшой группе привилегированных аристократов. В тех же случаях, когда растет образование и благосостояние народных масс, аристократия окончательно теряет свои преимущества, растворяясь в различных слоях общества.

Своими достоинствами и недостатками обладает третья («чистая») форма правления — демократия, правление большинства, т. е. народных масс, основанное на свободе и равенстве. Демократия бывает непосредственной в общинах и небольших государствах и представительной. Положительные качества демократии:

1. Наивысшее обеспечение свободы и прав граждан, которые закреплены законодательно.

2. Свобода граждан рождает в них уверенность, инициативу и творчество.

3. Участие во власти возвышает граждан и общество в целом.

4. Участие всех граждан в политической жизни повышает их политическую активность и политическую зрелость.

5. Все существенные вопросы решаются сообща и заинтересованно.

6. Правительство является порождением общества, и поэтому между ним и обществом нет принципиальных разногласий.

7. Демократия выступает венцом, высшим этапом и естественным завершением гражданского общества. «Если каждый общественный строй требует соответствующего ему строя политического, — пишет Чичерин, — то демократия является естественным завершением общегражданского порядка, составляющего... венец гражданского развития человечества» (ч. 3, 177). Демократическая республика — идеал, к которому, как и все европейские народы, должна стремиться Россия.

Недостатков демократии, по Чичерину, меньше, но они существенны.

1. Верховная власть отдана не лучшим, достойнейшим представителям общества.

2. Свобода ведет к неравенству и в экономической сфере. Большинство трудится физически, меньшинство — умственно. Устанавливая «господство численного большинства», демократия «тем самым вверяет власть наименее образованной части общества, а такое отношение не может быть высшей целью человеческого развития» (ч. 2, 423)*.

3. В демократии законодательная власть не отделена от исполнительной, в ней идет бесконечная борьба за власть, в результате чего к управлению приходят такие политические деятели, которые, манипулируя популистскими лозунгами, преследуют не народные, а собственные интересы.

4. Неустойчивость общественных отношений, объясняющаяся тем, что массы, придя к власти, не дорожат традициями, жаждут быстрых изменений, которые происходят медленно и естественно.

5. Наконец, «...использование партийной власти для удовлетворения своих приверженцев, что тоже характерно для демократии, ведет к нарушению закона, диктатуре демагогов и даже к тирании, если диктатор сумеет захватить военную власть» (Искра, 1995, 125).

Важно отметить при этом, что Б. Н. Чичерин безоговорочно не осуждал демократию. Он и в этом анализе оставался диалектиком: не являясь ее сторонником, он считал возможным дать демократии пройти полный путь развития, чтобы выявить как пози-

* «Это суждение, — замечает Л. М. Искра, — выглядит совершенно надуманным, поскольку ни одна демократическая конституция не имеет подобного положения. Но дело в том, что ученый настолько высоко поднимал планку истинного образования, что к полуобразованным относил многие слои современной ему интеллигенции, а народные массы самых разных стран называл полуграмотными. Будучи несомненным сторонником повышения культурного уровня народа, ученый считал, что образовательный разрыв между ним и интеллектуальной элитой ликвидировать невозможно. В этом он был прав. Однако формирование власти из элитарно образованных людей означает фактическую передачу верхушке господствующего класса. Чичерин этого не хотел, но согласиться с ним, по нашему мнению, нельзя» (Искра, 1995, 124). Мы присоединяемся к этой оценке, считая ее верной.

тивные, так и негативные ее стороны. В конечном итоге, считает он, демократия неизбежно придет к социализму, который ее погубит, «доведя до крайности все присущие ей недостатки». А если осуществить союз демократии и аристократии, при главенстве последней, то возможна «смешанная республика» — еще одна форма правления. Правда, и здесь будет бесконечная борьба за власть между народными массами и властвующей аристократической элитой.

Заканчивая свой анализ форм правления, Б. Н. Чичерин утверждает в очередной раз, что лучшей формой правления будет конституционная монархия, в которой успешно, по его мнению, сочетаются три начала: монархическое, аристократическое и демократическое, где «...монархия представляет начало власти, народ и его представителей, начало свободы, аристократическое собрание, постоянство закона, сдерживающего, с одной стороны, произвол... власти, с другой стороны, необузданность свободы, и все эти элементы, входя в общую организацию, должны действовать согласно для достижения общей цели. Идея государства достигает здесь высшего развития, но возможность осуществления идеи зависит не от теоретических собраний, а от жизненных условий, которые могут быть весьма разнообразны, налицо» (ч. 1, 161).

Чтобы снять недостатки аристократии и демократии должен быть третий, связующий их элемент — средний класс, третье сословие, умственная аристократия, соединяющая в себе труд и образование.

Отмена крепостного права и ряд демократических преобразований определили буржуазный путь дальнейшего развития России, выход на политическую арену третьего сословия. Поэтому Б. Н. Чичерин не мог не обратить на него внимания, посвятив этой теме несколько статей, в том числе «Что такое среднее сословие?» в сборнике «Несколько современных вопросов». Он указывает, что среднее сословие образует «связующее звено между высшими слоями и низшими, через него совершается свободное движение по общественной лестнице», оно обладает «наиболее охранительным духом», «является носителем либеральных начал» (см.: Чичерин, 1862, 153—158).

Для Чичерина, идеолога русского либерализма, ценными в общественном развитии России были не только свобода и «охранительное начало», которое он характеризовал как своеобразный «бессознательный инстинкт народных масс», но также определенные традиции и преемственность. Именно они обеспечивают сохранение исторически положительного как основы для последующего преобразования общества по формуле «максимум пользы из старого во имя нового». Должен быть союз, единство основных начал общежития — свободы, власти и закона, обеспечивающий равновесие общественных сил. В противном случае государство является «неравновесным» очагом противоречий. Чтобы этого не произошло в России, Чичерин обосновывает необходимость для нее конституционной монархии. По его убеждению, именно монарх выступает представителем интересов общества в целом, примиряет противоположности, существующие в нем, и прежде всего два противоположных начала — народ и дворянство. Он выше «горизонтальных», т. е. сословных, и «вертикальных», т. е. партийных, делений общества. Монарх — начало власти, тогда как народ — начало свободы, а аристократия — начало закона. Сама российская история убеждает в необходимости монархического правления в России, и, как считает русский политолог, «еще в течение столетий оно останется высшим символом ее единства, знаменем для народа» (Чичерин, 1906, 8).

Устройство конституционной монархии основывается на распределении верховной власти между монархом и обществом, а ее цель — согласование свободы с законом и властью. Верховная власть состоит из монарха и двухпалатного парламента. В верхней палате заседают аристократические элементы, в нижней — демократические (см. об этом: Чичерин, 1894—1898, ч. 1, 161). В верхнюю палату депутаты избираются на всеобщих выборах, в верхнюю назначаются монархом с передачей прав по наследству, а часть избирается из высших чиновников.

Для депутатов из народа, по мнению Чичерина, главным требованием являются «политические способности», во многом зависящие от образования. И если на первых порах политическая свобода для народа заключалась только в участии в выборах, то далее, по мере распространения просвещения народ будет все более сознательно участвовать в представительном правлении.

Б. Н. Чичерин был современником преобразовательных реформ, осуществлявшихся сверху. Дальнейшее политическое развитие России он связывал с самоограничением монархии, т. е. с введением конституции и народного представительства. Перспектива была обнадеживающей, но не стала ведущей в общественно-политической жизни страны. Революционное народничество, а затем и русские марксисты предложили другие, более радикальные средства социального преобразования России.

Чичерин стал одним из первых разработчиков идеи местного самоуправления, оформившегося в земское движение. Проблему эту он рассматривал через решение проблемы соотношения земства и бюрократии. В статьях «Бюрократия и земство», «Государство и земство», «О взаимных отношениях губернского и уездного земств» и других он утверждает большое значение земства как органов местного самоуправления в ограничении власти бюрократии. Если чиновничья бюрократия иерархически утверждается сверху, то земское самоуправление идет снизу и обеспечивает живой естественный дух народной жизни. У земских учреждений Б. Н. Чичерин обнаруживает двойственный характер их существования: с одной стороны, это общественные учреждения, а с другой — органы власти, отвечающие за медицинское обслуживание, народное образование, обеспечение продовольствием. Как самоуправляющиеся учреждения, они «устраивают свои дела на свой собственный счет», имея определенные степени свободы, т. е. самостоятельности.

Зачатки земских учреждений Чичерин обнаруживает еще во время кратковременного существования вольных общин Новгорода и Пскова, затем в деятельности земских соборов и в преобразовательной деятельности Петра I. Их жизненность несомненна, поскольку они отвечают историческому быту русского народа: «Общественные учреждения вытекают из исторических условий, из народного духа; он образуется местными данными, со степенью развития, на которой стоит общество. Учреждения переплетаются со всем бытом народа, а потому и обсуждать их следует не отрешенно, а в связи с целой существующей системой» (Чичерин, 18586, XVIII). Централизация, ее бюрократический аппарат противостоят местному самоуправлению. Русский политолог ряд

своих работ посвящает бюрократии (см.: Чичерин, 1862). Бюрократия, в его определении, это естественная принадлежность «всякого государственного быта, в котором потребности управления получают развитие» (Чичерин, 1903, 76). Чичерин считает, что бюрократия обладает реальной силой и в определенных условиях может затормозить осуществление реформ. Выступая против нее, он переносит анализ в другую плоскость. Для него не стоит вопрос, нужна или нет централизация и бюрократическая машина сверху, он задает этот вопрос по-другому: полезна она или вредна? И отвечает: вредна, если под централизацией понимается абсолютное делегирование решения проблем местной жизни наверх, безусловное решение их самими чиновниками. В результате местные учреждения как бы отстраняются от насущных задач повседневной жизни, впадают в апатию, перестают работать. Но вместе с тем в разумных границах централизация необходима, поскольку она выступает объединяющим началом, печется о государственных интересах в целом, против анархизма и сепаратизма низов. С бюрократией надо бороться, но не революционным путем: «Только существование земства способно ввести бюрократию в должные границы, уменьшить ее недостатки и сделать полезными учреждения в государстве» (Там же, 79). Актуальность подобных рекомендаций до сих пор злободневна.

Наконец, заслуга Чичерина как политического мыслителя состоит в разработке идей народного представительства, которое он определял как «господство общественного мнения посредством всецелого перенесения воли граждан на выборные лица» (Чичерин, 1899, 7). Это возможно лишь при наличии политических свобод, устраняющих сословное разделение и привилегии в обществе. Но в обществе не исчезают различия материальные и естественные, связанные с определенными интересами и деятельностью, что, в свою очередь, определяет взгляды и требования граждан. Таким образом, народное представительство как орган власти означает участие в ней различных, юридически не отделенных друг от друга, разнохарактерных общественных представительств, «...самое существенное условие политической свободы заключается в количестве и качестве тех разнородных групп, из которых складывается общество» (Там же, 627).

Достоинствами сословного представительства являются защита прав сословий, учет их интересов, сохранение единства власти, осуществление связи правительства и общества.

Недостатками сословного представительства Чичерин считает следующее:

- Каждое сословие как бы сам себе судья. В этом таится противоречие, т. к. часть не подчиняется целому.

- Одно сословие не поддерживает интересы другого и интересы государства в целом.

- Сословия враждуют между собой.

- Забота о сословных правах дает самодержавию бóльшую свободу, чем любому конституционному режиму.

- Сословия стремятся захватить всю государственную власть.

Как считает мыслитель, эти недостатки существенны и вряд ли преодолимы.

Народное представительство имеет двойственное начало: оно и выражение свободы, и одновременно орган власти. Поэтому гражданская свобода призывает граждан к участию в государственных делах в основном через осуществление выборного права. Свобода определяется и охраняется общественной властью. С другой стороны, всякое право должно быть ограждено от произвола. Каждый член общества должен иметь возможность защищать свои права. При подчинении личной свободы общественной властью это требование удовлетворяется при условии участия граждан в этой власти, поскольку «пока власть независима от граждан, права их не обеспечены от ее произвола» (Чичерин, 1899, 12). Народное представительство дает, по мысли Чичерина, гражданам определенный набор прав: свободное проявление общественной мысли, свободу собраний, право социального контроля общества за государственным управлением. По его мнению, этот контроль, дополненный принципом разделения властей, и есть гарантия личной и политической свободы граждан. Кстати, Чичерин критикует Декларацию прав человека и гражданина Великой французской революции 1789 г. Предмет его критики — определение объема этих прав в соответствии с естественно-правовой концепцией («естественный закон»). Для Чичерина право обуславливается историческими закономерностями и уровнем развития общества. Чело-

век рождается не с готовыми правами, а с правоспособностями. Реализация же этих правоспособностей обусловлена степенью развития свободы в обществе (см. об этом подробнее: Глушкова, 1994, 26—34).

Представительное начало, вытекающее из политического права, осуществляется в местной и верховной власти. Местное представительство начало вводиться в России земской (1864) и городской (1870) реформами, но оно так и не затронуло самый низ (волости) и верх (высшие органы власти), сыграв, однако, роль начальной школы участия народа в управлении.

Проблемы народного представительства, предложения по его осуществлению Б. Н. Чичерин высказывал в различных своих работах. Им посвящены такие книги, как «О народном представительстве» (1866), «Конституционный вопрос в России» (1878), «Россия накануне двадцатого столетия» (1901) и др., в которых он требовал провести преобразование как местного самоуправления, так и представительства в Государственный совет 2—3 выборных от каждого губернского земства. По его мнению, Государственный совет должен составлять верховную палату, Совет выборных — нижнюю палату высшего законодательного органа России. Это был шаг к ограничению власти монарха парламентом, к введению конституционного переустройства государства.

Представительные властные собрания, по мысли Чичерина, могут выступать фактором контроля со стороны общества над государством, фактором, сдерживающим в одних случаях и побуждающим к деятельности — в других. В представительных учреждениях народ получает опыт политической деятельности, основанной на свободе и праве.

По мысли русского политолога, развитие самоуправления должно осуществляться на двух уровнях: 1) внутри самого местного самоуправления между уездным и губернским правлением и 2) между местным самоуправлением и центральной правительственной властью.

Инициатива самоуправления идет снизу, и поэтому ячейкой, основной единицей самоуправления является уездное земство. Над ним стоит губерния, которая инициативу земств должна рассматривать и поддерживать. И так же должна поступать центральная

власть по отношению к уездной. Вместе с тем, считает Чичерин, должно существовать «основное политическое правило, что местное самоуправление должно согласовываться с центральным... И в этой области необходимо начало свободы. Администрация не должна быть искусственным механизмом, насильственно наложенным на страну и подводящим все под один уровень. Отдельные местности имеют свои особенные нужды, которые лучше всего удовлетворяются местным самоуправлением. Но, с другой стороны, местные интересы находятся в тесной связи с общими. Область или община не составляет оторванной части государственного тела; это живой член, находящийся во взаимодействии с другими» (Чичерин, 1899, 759). Эти размышления Чичерина о диалектике центральной власти и самоуправления на местах, прозвучавшие более ста лет, не потеряли своей актуальности и сегодня.

Однако и здесь он не оставляет своей сверхзадачи — обосновать необходимость конституционной монархии. Рассуждает он следующим образом: «Общественная жизнь, как всякая другая, состоит в непрерывном взаимодействии всех органов и управлений. Администрация содержит в себе ту сторону государственной деятельности, которая ближе всего касается народа, которая приходит с ним в непосредственное соприкосновение. Поэтому в ней более всего выражается постоянная сила власти; она составляет наиболее прочное влияние. Кто хозяин в государстве, тот необходимо должен быть хозяином и в администрации» (Там же, 760). Поэтому устройство администрации напрямую зависит от образа правления. В республике, где свобода составляет основное начало государственной жизни, местное самоуправление процветает. Однако это одновременно ведет, считает Чичерин, к сепаратистским, федеративным притязаниям самоуправляющихся низов. В результате «крайнее развитие свободы, присущее демократии, неизбежно ведет к разложению государственного организма. Чтобы противодействовать этому, нужна сильная власть, но она немыслима без централизации» (Там же, 761).

Единство в аристократическом государстве поддерживается корпоративным духом высших классов, а в монархии — огромным бюрократическим аппаратом, далеким от народных нужд. «Невозможно отвергать бюрократию, не обрекая монархии на пол-

ное бессилие» (Чичерин, 1899, 761). Единственным противодействием ей может служить выборное начало, обеспечивающее местное самоуправление, «соглашение свободы с порядком».

Сословное представительство — большая политическая и общественная сила, она может успешно бороться за приобретение прав и свобод и победить. Поэтому сам монарх должен сделать шаг навстречу настоящему, т. е. народному представительству. Чичерин пишет: «Лучше дать выборным людям интенсивный круг действий, но с определенными правами и ответственностью, нежели связывать крупное учреждение, служащее органом народной мысли и воли, но лишенное всяких прав» (Чичерин, 1894—1898, ч. 3, 230). Переход от сословного к общенародному представительству неизбежен. Лучший вариант разрешения этого перехода — его инспирирование царем, что позволит избежать общенародного возмущения.

Наибольшее развитие, по мнению Чичерина, самоуправление получает в конституционной монархии, «...где сама верховная власть основана на идее соглашения различных общественных элементов. Если местные учреждения должны сообразоваться с существом верховной власти, то здесь устройство их должно быть основано на сочтании выборного начала с бюрократическим. Первое вытекает из свободы, второе необходимо и в представительном государстве, чтобы дать надлежащую силу правительственной власти» (Чичерин, 1899, 763).

Политические идеи Б. Н. Чичерина были достаточно конкретны, их осуществление зависело от меняющейся политической ситуации в России. Если после отмены крепостного права русский мыслитель был противником немедленного введения политических свобод (см. об этом: Чичерин, 1862), то к 1878 г. он считал, что Россия созрела для преобразования государственного строя. Чтобы справиться с быстро зреющими революционными силами и оппозицией, он предлагает ввести в Государственный совет с правом совещательного голоса выборных представителей от земств и дворянских собраний (см.: Чичерин, 1906). И этим было бы положено начало парламентаризма в России. Но самодержавие не прислушалось ни к этим, ни к другим предложениям Чичерина. (Политический строй таких развитых стран, как Великобрита-

ния, Голландия, Испания, Норвегия, Швеция, Япония, наглядно демонстрирует нам сегодня возможности этой формы правления.)

Незадолго до смерти, разуверившись в стремлении самодержавия что-то изменить в государстве, мыслитель обращается непосредственно к русскому обществу с идеей (требованием) конституционной монархии. Заканчивая свою известную работу «Россия накануне двадцатого столетия», опубликованную в Берлине в 1900 г. под псевдонимом «Русский патриот», он связывает будущее России именно с этой формой правления: «Остаться при нынешнем близоруком деспотизме, парализующем все народные силы, нет возможности. Для того, чтобы Россия могла идти вперед, необходимо, чтобы произвольная власть заменилась властью, ограниченной законом и обставленной независимыми учреждениями. Здание, воздвигнутое Александром II, должно получить свое завершение; установленная им гражданская свобода должна быть закреплена и упрочена свободой политической. Рано или поздно, тем или другим путем это совершится, но это непременно будет, ибо это лежит в необходимости вещей. Сила событий неотразимо приводит к этому исходу. В этом состоит задача двадцатого столетия» (Чичерин, 1900б, 180). Этим прогнозам русского политолога не суждено было осуществиться. Для конституционной монархии в России во второй половине XIX — начале XX в. не было, как минимум, двух обязательных условий — сильного монарха и сильной опоры в лице буржуазной олигархии. Дни монархии были сочтены, и после революционных событий 1917 г. она прекратила свое существование.

ЧИЧЕРИН ОБ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Выдающейся заслугой Чичерина как политического мыслителя и ученого являются его работы, посвященные истории политической мысли. Кроме того, в большинстве его научных работ имеются экскурсы в историю политической мысли, ему принадлежит фундаментальный и до сих пор уникальный пятитомный труд «История политических учений». В основу этого исследования положены лекции, которые Б. Н. Чичерин шесть лет читал на юридическом факультете Московского университета. В предисловии к первому тому «Истории», обращаясь к своим бывшим студентам, он в следующих словах определяет интерес к истории политической мысли: «Изучая науку, я постепенно приобретал и большее уважение к явлениям прошедшего: я научился видеть в них не преходящие моменты развития, а выражение вечных истин, присущих человеческому разуму... Я старался свести к некоторым общим, простым и ясным началам совокупность явлений человеческой истории, философии и права, и на этом основании вывести общий закон развития человечества» (Чичерин, 1869—1902, I, 9; далее по тексту ссылки на это издание даются с указанием тома римской цифрой и страницы).

Во введении эту задачу он обосновывает методологически. Отталкиваясь от тезиса, что история является наставницей жизни и мысли, Чичерин утверждает: «В истории мысли раскрывается ее существо и лежащие в ней законы: история служит ей и поверкою собственной ее деятельности... Раскрывая таким образом совокупность проявлений мысли в преемственном ее ходе, история дает нам ключ к различению истинного от ложного, существенного и прочного от случайного и преходящего» (Там же, I—2). Именно в истории мы обнаруживаем, что истинное не всегда новое,

а односторонность может множиться и повторяться раз за разом. Истинно, по мысли русского ученого, то, что является прочным, лежит в самой природе вещей и проявляется всегда и везде. «Поэтому историк должен относиться к явлениям прошедшего не с отрицательной, а с положительной стороны. Он должен отыскивать в них не то, что ложно, а то, что истинно» (1, 2). Кроме того, в истории мысли нельзя упускать ни одну, даже незначительную, кажущуюся односторонней, систему, поскольку полнота истины содержится в совокупности всех воззрений. Наконец, в истории мысли обнаруживается постоянное повторение одних и тех же воззрений, которые и демонстрируют те зерна абсолютной истины, отыскание которых и составляет задачу. При этом, правда, нужно иметь в виду, что по известному закону отрицания каждый новый виток мысли как бы повышает ее потенциал, углубляет содержание, отбрасывая случайное и сохраняя абсолютное.

После этих общеметодологических замечаний Б. Н. Чичерин переходит к философским основаниям собственно истории политических учений, повторяя, а если учесть время выхода первого тома, и предвывая многие основные тезисы и положения своих взглядов в области философии истории и политологии. Поскольку история политических учений есть своеобразный синтез основных начал государственной жизни, она изучает как теоретические и философские основания политической жизни государства, так и их практическое воплощение. «История политических учений, — пишет ученый, — занимает середину между обоими, между философским ходом мысли и практическим развитием государственных учреждений» (Там же, 4).

Чичерин утверждает, что история политических учений — наука, интересующая различные политические направления, — идеалистов и реалистов, консерваторов и либералов. И всех их интересует главное — проблемы государственного устройства. Правда, каждое направление в качестве оснований для решения этих проблем предлагает различные начала — свободу, общественное благо и т. п. «В действительности, государство как цельный организм представляет сочетание разнообразных элементов, которые все связаны между собой, восполняя друг друга» (Там же, 5). Продолжая эту диалектическую мысль, ученый, как мы это видели в других

его работах, выделяет несколько элементарных основ начал государства и их соотношение — это право, обязанности, свобода, закон, которые объединяются властью, определяющей права и обязанности людей и заставляющей их подчиняться закону. Правда, власть, которая представляет проявление человеческой воли, субъективна и поэтому может толкать на нарушение закона и уничтожение свободы. Но и свобода может оказывать неповиновение власти и закону. Наконец, закон не всегда обеспечивает силу власти, но может быть притеснением для граждан. Другими словами, эти три элемента государства — свобода, власть и закон — могут действовать несогласованно. Поэтому целью общества является их согласованная деятельность, которая в высоком смысле этого слова есть общее благо, т. е. гармоническое развитие и согласование противоположных элементов общежития. Общее благо, или цель развития общества, связывает три предыдущих элемента общества, являясь четвертым, объединяющим его элементом.

Эти элементы государства, с одной стороны, явление жизни, с другой — требование разума. Соответственно и их познание тоже двойко: в умозрении мы отталкиваемся от требования разума, в опыте — от явлений жизни. Диалектика познания требует их единства, цельности. Познание политической жизни, таким образом, с одной стороны, опирается на один из четырех элементов (оснований) государства, а с другой — не выходит за рамки рационализма, реализма или синкретизма (универсализма), объединяющего два предыдущих метода.

Четыре названных элемента, как мы видели ранее, соотносятся, по мысли Чичерина, с четырьмя союзами человеческого общежития — семьей, гражданским обществом, церковью и государством, где государство является высшим, объединяющим и завершающим союзом. Если исходить в анализе политической жизни из этих союзов, по появится возможность иного взгляда на государство как на патриархальное, вотчинное или теократическое. Такой подход, считает ученый, возможен, но он будет второстепенным.

Последнее, на что указывает в своем методологическом введении Чичерин, является закон развития, присущий как природе, так и человеческой истории. В соответствии с ним «человечество от-

правляется от первоначального единства, развивает из него противоположные определения и опять сводит их к единству, стремясь к высшей гармонии разума. История политических учений с поразительной ясностью и в малейших подробностях подтверждает этот закон, который один дает ключ к пониманию всемирной истории» (I, II).

Как последователь Гегеля, Чичерин не выходит за рамки его схемы развития человеческой истории. Он такой же европоцентрист, поэтому в анализе политической мысли начинает не с Востока, хотя и признает его «колыбелью человечества», а с европейского античного («классического») мира, где «мысль получает чисто светское направление, государство — чисто гражданское развитие».

«История политических учений» — действительно фундаментальная классическая работа. Только упомянутых в ней мыслителей по нашим подсчетам более двухсот (213), причем политические взгляды большинства из них подвергнуты тщательному анализу. Поэтому подробный анализ «Истории политических учений» — задача специального исследования. Свою задачу мы видим лишь в том, чтобы указать на те экскурсы из истории политической мысли, на основе которых, отталкиваясь от которых политолог строит свою концепцию развития русской политической жизни с ее завершающим итогом — конституционной монархией.

В античности Чичерина особо привлекают два мыслителя — Платон и Аристотель. Анализируя платоновские «Республику» и «Законы», он отмечает приверженность греческого философа к смешанной форме правления, в которой сочетаются элементы монархии и демократии, власти и свободы: «Политическая мудрость состоит в умении себя воздерживать; поэтому монархия должна быть ограничена свободой граждан, демократия усилением власти. Тогда только в государстве будут господствовать умеренность, согласие и мудрость»; «Эти глубокие мысли, — делает вывод Чичерин, — остаются верными для нашего времени; на них зиждется вся теория конституционной монархии» (Там же, 50). Правда, у Платона во имя идеального общественного устройства уничтожается различие и разнообразие, делается упор на обобществлении имущества, жен и детей. Но в этом случае «всякий гораз-

до менее заботится об общем достоянии, нежели о собственном» (I, 54).

Ученик Платона Аристотель, критикуя эти взгляды, иначе решает проблемы государственного устройства, и «...вместо возможно большего единства он ищет наилучшего сочетания противоположностей» (Там же, 57). У него, по мнению Чичерина, имеется несколько отличительных особенностей его политических воззрений. Во-первых, он не увлекается идеальным представлением об общественном устройстве, а постоянно соотносится с действительностью, находя в ней элементы этого устройства. Во-вторых, в своих политических взглядах он опирается на философию, юриспруденцию и политику, в которых находит начала государственного устройства, и одновременно — на практическую реальность политической жизни. В-третьих, он первым провел анализ как «правильных» образов правления — монархии, аристократии и республики (политии), так и «извращенных» форм — тирании, олигархии и демократии. У Аристотеля Б. Н. Чичерин также находит начала идей конституционной монархии. Во-первых, Аристотель, «отправляясь от владычества разума и правды в человеческих обществах, отрицает принадлежность их какому бы то ни было лицу или собранию, а потому требует совокупного участия всех общественных элементов в общих решениях» (Там же, 64); во-вторых, он обратил внимание на средний класс, «который соединяет в себе чувство равенства с умением подчиняться предписаниям разума» (Там же, 67).

Средневековье — особый период в развитии политической мысли, когда внимание уделяется не государству, а церкви и их отношениям. Хотя Чичерин и излагает подробно политические воззрения средневековых мыслителей, особенно Августина Блаженного и Фомы Аквинского, он не находит в их учениях созвучных его взглядам идей. Больше внимания он уделяет эпохе Возрождения, считая, что это «...преддверие новой жизни, где являются уже все элементы, но еще болес-менее в зародыше. Общее развитие мысли идет от возрождения античных идей, через религиозную борьбу к упрочению государственной власти» (Там же, 294).

Два мыслителя эпохи Возрождения, каждый по-своему, считает Чичерин, выразили ее политические идеи: это Томас Мор и Ник-

коло Макиавелли. Томас Мор первым обратил внимание на массу рабочего населения, в которой, по его мнению, и заключается основа государства. «В “Утопии” общественное здание строится на двух началах, которые были известны Древнему миру: равенство людей и святость труда. Сознание этих начал обозначает тот громадный шаг, который сделало человечество в Средние века, воспитываясь под влиянием христианства» (I, 301).

Если Мор был мыслителем-идеалистом, то Макиавелли был прежде всего политиком, ищущим «не совершенного устройства человеческих обществ, а тех средств, которыми данный порядок вещей создается и упрочивается» (Там же, 303). Его занимали практические цели, для достижения которых он оправдывал любые средства.

Политическая мысль Нового времени начинается с поиска и утверждения определенных, не подлежащих сомнению начал, неотъемлемо присущих человеческой природе. Основатель философии права Нового времени голландец Гуго Гроций таким началом считал о б щ е ж и т и е, спокойное и устремленное сообразно с его разумом. А оно, в свою очередь, связано с еще более глубокою основою человеческого естества — самосохранением. Именно общежитие, по мнению Г. Гроция, «...влечет за собой известные, необходимые последствия, составляющие основание естественного закона; для сохранения его необходимо установление верховной власти, и этой власти принадлежит полноправие в обществе. Начало чисто светского развития философии права было найдено. Гуго Гроций не свел своих мыслей в цельную систему; он не вывел самого общежития из первоначальных свойств человеческой природы; он не развил систематически всех последствий принятого начала и не определил существенных основ государственно-го устройства» (II, 22).

Это сделал Томас Гоббс в своих трудах «О гражданине» и «Левиафан, или Материя и власть государственная». В них основанием естественного права утверждается сохранение жизни, а основным законом природы — «должно искать мира». Отсюда он выводит как юридические, так и нравственные законы, а также необходимость государства, объединяющего и употребляющего силы всех и каждого для общего мира и защиты. Лучшая из трех разновид-

ностей государственной власти (монархическая, аристократическая и демократическая), по мнению Гоббса, монархическая. Ее достоинства в следующем: любой, в том числе единовластный монарх, преследует личные цели. Но он один, а в демократии их столько, сколько демагогов, добивающихся власти и богатства. «Поэтому в монархии менее притеснений, больше уважения к частной свободе, нежели в народном правлении». В народном правлении больше несведущих в делах, больше враждующих между собой партий, а непостоянство толпы заставляет непрерывно менять законы. Неограниченная монархия лучше также потому, что во время войны, например, сама демократия вручает полновластие одному полководцу (II, 33—34). Необходимо отметить, что позднее, в «Курсе государственной науки», Б. Н. Чичерин эти характеристики Т. Гоббса трансформировал в свои собственные аргументы. Несмотря на то, что эту теорию английского философа он оценивает как «замечательный памятник человеческого ума», Чичерин обнаруживает в ней существенный недостаток: безусловное господство власти посягает на свободу граждан или вообще уничтожает свободу. Против этого недостатка выступили английские демократы XVII в. (Мильтон, Дж. Голль. Сидней и др.) и легитимисты (Кумберленд).

Второе направление политической мысли Нового времени связано с разработкой нравственности в качестве основания для ее построений. Одним из первых, кто построил свою теорию государства на основании нравственности, был С. Пуфендорф, автор широко известного труда «Об обязанностях человека и гражданина». Право, власть и обязанность есть нравственные качества, утверждал он. Как и естественный нравственный закон, естественное право покоится на Божественной воле, но, несмотря на это, должно быть выведено из разума. Оно обуславливается потребностью в блаженстве и стремлением к самосохранению, и, чтобы их сохранить, люди договариваются создать прочное государство, или, в определении Пуфендорфа, «единое нравственное лицо». Отвергая смешанные формы правления, он признает только «правильные» — монархию, аристократию и демократию. И выступает идеологом абсолютной монархии, хотя непоследовательно, пытаясь ограничить ее «требованиями законного порядка».

Мировое (Божественное) нравственное начало как основание естественного права стоит на первом месте и у Лейбница. Идеалом, по его мнению, может быть только всемирное государство, подчиняющееся нравственному авторитету церкви, как это было в Средневековье и как это в некоторые моменты существовало в Германской империи. Во многом аналогичную концепцию нравственных оснований государства разрабатывает также итальянский политический мыслитель Вико.

У этого направления политической мысли, считает Б. Н. Чичерин, есть свои достоинства и недостатки. «Заслуга нравственной школы состоит в том, — пишет он, — что она в новом мире развила и упрочила сознание этих (нравственных) начал, составляющих необходимый элемент всех человеческих отношений. Либеральные писатели, устремляющие все свое внимание на развитие свободы, слишком часто упускают это из виду, а между тем без этого звена невозможно понять дальнейшее движение философской и политической мысли» (II, 299).

Другое основание в теорию государства и права внесла школа индивидуализма. Уже у Дж. Локка, основателя этой школы, коренным началом человеческой природы признается внешняя свобода и равенство. Они-то и определяют весь строй общественной жизни человека. Отстаивая свою свободу, человек находится в состоянии войны со всеми, от которой его спасает только договор — «согласие всех лиц подчинить свою волю решению большинства». Естественно, в этой связи Локком отрицался монархический образ правления. Не считал он, однако, верховной и власть народа. Верховная власть — это, в его определении, «национальная верховность», но понятие это разработано слабо (см.: Там же, 347). Необходимо заметить, что у Локка в любом случае утверждается право на власть.

Последователем Локка уже в XVIII в. является выдающийся французский публицист Ш. Монтескье. Ему, как основателю учения о конституционной монархии, Б. Н. Чичерин посвящает, по нашему мнению, лучший параграф своей книги. В нем он, в частности пишет: «Французский публицист первый в Новое время указал на отношения властей, друг друга воздерживающих и уравновешивающих, как на самую существенную гарантию свободы...

Учение о конституционной монархии, конечно, не исчерпывается этим окончательно. Стоя на почве индивидуализма, Монтескье обращал внимание главным образом на гарантии свободы, оставляя в стороне все другие требования государства» (II, 356).

Монтескье выделяет три образа правления: умеренные — республиканский (аристократический и демократический), монархический и незаконный — деспотический. Он сторонник монархии, коренным началом которой является честь. Другими словами, высшие сословия, которые составляют в монархии «коренной и необходимый элемент политической жизни, соблюдая верность монарху, вместе с тем стоят за свои права и сохраняют свою нравственную независимость. А это дается чувством чести, которое побуждает человека, с одной стороны, исполнять свои общественные обязанности сообразно со своим положением, с другой стороны, требовать уважения к нравственному достоинству своего лица» (Там же, 336). Он говорит также о разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную, что гарантирует свободу. Политическим идеалом Монтескье, как и самого Чичерина, была английская конституционная монархия.

Среди других известных представителей «индивидуалистического направления» он называет Фергюсона, Гельвеция, Гольбаха, Т. Пена, Мабли и, наконец, Руссо, «политическая теория которого представляет высший идеал индивидуальной школы» (III, 127). В своих взглядах Руссо, как известно, исходит из естественного состояния людей как свободных и равных. С установлением частной собственности возникли существенное неравенство «и все пороки, сопровождающие стремление человека к превосходству над другими» (Там же, 131—132). Французский мыслитель всячески критикует возникшее неравенство и ставит задачу «найти форму союза, посредством которой каждый, соединяясь со всеми, повиновался бы, однако же, единственно себе самому и оставался бы столь же свободным, как и прежде», которую пытается решить в важнейшем своем политическом сочинении — «Общественном договоре», основная суть которого в том, что человек, соединяясь с другими в общество, заключает общественный договор, по которому отдает свою личность под высшее руководство об-

щей воли. При этом он приобретает гражданскую свободу и право собственности на свое владение, т. е. люди становятся равными в силу права и соглашения. Народный суверенитет («народное полновластие») — своеобразный результат договора, «верховный источник всех общественных властей», «постоянная, необходимая и исключительная форма всякого политического союза» «идеальное устройство, в котором неразрывно сочетаются оба противоположные элементы человеческого общежития: личный и общий» (III, 128).

Народ непосредственно избирает своих уполномоченных и непосредственно участвует в осуществлении законодательства. Таким образом, у Руссо утверждается идея прямого народовластия. Идеи Руссо, его влияние на конституционалистов, жирондистов, якобинцев во время Великой французской революции, на содержание Декларации прав человека и гражданина, на последующих мыслителей — Канта и Фихте, социалистов — было огромным. Это признает и Б. Н. Чичерин, хотя, как либерал и конституционный монархист, он против большинства положений руссоизма.

Русский политолог, будучи идеологом либерализма, не мог пройти мимо идей утилитаризма, выделив их в направление политической мысли и рассмотрев в нем взгляды Юма, Борка и Бентама. Именно Д. Юм, по его мнению, признал общественную пользу «существенным элементом политической жизни» (Там же, 219) и явился «родоначальником Бентама». Критикуя Бентама за отсутствие философских оснований его политических и правовых взглядов, за бездоказательность и умозрительный характер его построений, за явный демократизм, Б. Н. Чичерин, однако, тщательно анализирует его труды, особенно утверждаемый им принцип личного интереса, пользы. Целью правительства в любом государстве, считает Бентам, является наибольшее счастье наибольшего числа людей. Поэтому монархия, даже в ограниченном английском варианте, не может быть идеальной формой правления, поскольку в ней народ беззащитен, а реализуются интересы меньшинства. Только демократия может обеспечить счастье народа, хотя его выбор не всегда безупречен.

Как мы уже отмечали, Б. Н. Чичерин в качестве одного из своих мировоззренческих постулатов заявлял необходимость и обя-

зательность философских («метафизических») оснований для построения научных теорий, особенно в области права и политики. Не случайно в четвертой, важнейшей части «Истории политических учений» он еще раз обращается к этому требованию. В специальном предисловии он пишет, что «...без философии важнейшие вопросы политической науки должны оставаться неразрешимыми». «Знаю, — пишет он далее, — что философия теперь не в моде. Этому главным образом и следует приписать то шатание умов, которое составляет характеристическую черту современных обществ, явление всего более распространенное там, где отсутствие политической жизни открывает простор политическим мечтаниям. Без руководящей нити философской мысли остается или бродить наобум, или произвольно очертить себе ограниченный круг воззрений, который, конечно, не может иметь притязаний на научное значение» (IV, 5). Четвертый том является важнейшим потому, что в нем указана «тесная связь между немецкой философией и немецкою политическою наукою», которая не может не служить примером для подражания и заимствования.

В конце третьего и в четвертом томе Б. Н. Чичерин рассмотрел все разновидности и д с а л и з м а: субъективный, натуралистический, нравственный, индивидуалистический и абсолютный. Причем анализ их ведется обстоятельно, с привлечением трудов как известных, выдающихся философов немецкого классического идеализма, так и почти не известных истории философов. Понимая невозможность даже краткой характеристики более чем двадцати имен, обратимся к чичеринскому анализу политических взглядов его учителя — Гегеля.

Главная заслуга Гегеля — его диалектика: «Это бессмертная его заслуга, которая дает ему первенствующее место в истории человеческого ума» (Там же, 575). Подробно рассматривая «диалектическое здание» философии, возведенное Гегелем, не во всем, однако, соглашаясь с ним (о расхождениях и дополнениях Чичериным Гегеля см. в первом разделе нашей книги), он, естественно, особое внимание уделяет «Философии права» Гегеля, где представлены диалектические «переходы» объективного духа. «Основным определением объективного духа признается свободная воля. Воля есть практический разум, то есть разум, действующий на внешний

мир» (IV, 380). Воля обладает свободой, поэтому «все существа, одаренные волею, сознают себя свободными». А осуществление этой свободы и составляет п р а в о, которое проявляется в трех ступенях развития: 1) как отвлеченное, или формальное, право, выражающее самоопределение воли во внешнем мире; 2) как мораль, или внутреннее самоопределение воли; 3) как нравственность, представляющая сочетание права и морали: общие требования морали, осуществляясь во внешнем мире, становятся системой юридических учреждений, определяющих права и обязанности людей в общественных союзах (Там же, 582).

Таких союзов у Гегеля три: семейство, гражданское общество, государство (Чичерин, как мы уже отмечали, добавляет к ним четвертый — церковь). Государство — важнейший из них элемент, оно, как высшее осуществление идеи свободы, возвышается над семейством и гражданским обществом, но не поглощает их, а признает их права и самостоятельность, подчиняя их только в качестве высшей власти. Как самостоятельный союз, государство имеет собственное политическое устройство, распадающееся на три власти — законодательную, устанавливающую общие нормы; правительственную, применяющую эти нормы к отдельным случаям; княжескую, представляющую последнее, верховное, решение воли и связывающую две предыдущих. Естественным поэтому является вывод Гегеля, что «из всех политических форм полное развитие идеи государства представляет только конституционная монархия» (Там же, 590). Зная, что именно с Гегеля началось философское развитие Чичерина, можно предположить, что именно у него он позаимствовал свою основную политическую идею — идею конституционной монархии. У него же он обнаружил и идею народного представительства: «Через представительство закон и государство входят в народное сознание и в нем получают самую крепкую свою опору» (Там же, 592). Обе эти идеи русский мыслитель развил в стройную систему политологических представлений. К чести Чичерина следует отметить, что Гегеля он читал критически, не соглашаясь со многими его выводами, в частности — со слишком ограниченным пониманием народности как ступени развития духа, с его европоцентризмом и абсолютизацией германского народа в ущерб народам восточным, в том числе

славянским, наконец, с тем, что в гегелевской философии завершается развитие человеческого ума. Чичерин же видел его дальнейшее развитие в универсализме, снимающем односторонности реализма и идеализма.

В последнем, пятом, томе «Истории политических учений» Чичерина, вышедшем незадолго до смерти автора, рассматриваются политические взгляды французских клерикалов, либералов и доктринеров. Но важнейшей нам представляется глава, посвященная немецким социалистам К. Родбертусу, Ф. Лассалю и К. Марксу.

П. Б. Струве в свое время следующим образом охарактеризовал Чичерина: «г. Чичерин — ученик Грановского, консервативный либерал или либеральный консерватор. У него есть два сильнейших умственных пристрастия. Одно положительное — к метафизике. Другое отрицательное — к социализму» (Струве, 1902, 86). С такой же страстностью, которая была присуща его увлечению философией, во многих своих работах Б. Н. Чичерин критикует социализм, один из самых «слабых», на его взгляд, вариантов государственного устройства. При этом аргументы у него всегда разнообразны в зависимости от сюжетов, о которых он в данный момент пишет. В частности, в главе, посвященной общественным идеалам, он выносит следующий приговор социализму: «Социализм, по существу своему, не может быть идеалом человеческих обществ. Человек по природе есть существо свободное, и таким он остается во всех союзах, в которые он вступает... Между тем социализм отрицает свободу в самом ее корне: он превращает человека в страдательное колесо всеохватывающей машины, подводящей всех к одному уровню. Тот призрак свободы, который дается гражданину в государстве участием в совокупных решениях, служит лишь тому, чтобы подавить лицо деспотизмом большинства, не знающим ни сдержек, ни границ» (Чичерин, 1894—1898, ч. 2, 422). Аналогичных высказываний особенно много в «Философии права», в «Курсе государственной науки» и в работе «Собственность и государство». Большинство из них дается на фоне апологетики индивидуализма и частной собственности. По мнению политического мыслителя, капитализм «составляет естественное и законное последствие, а вместе и необходимое условие всякого экономического развития. Капитализм не есть только

преходящее явление: это — вся экономическая история человечества. Весь экономический прогресс состоит в накоплении капитала, и чем дольше идет человечество, тем большее он получает значение» (Чичерин, 1900в, 270). Капитализм основывается на неравенстве частной собственности, а последняя является, по Чичерину, выражением свободы: в обществе «неравенства нельзя уничтожить, не уничтожив самого его корня, то есть человеческой свободы, следовательно, не посягнув на то, что составляет источник всякого права» (Там же, 134).

Не случайно он считал своими идейными противниками всех, кто защищал социалистические идеи. При этом он подвергал уничтожающей, порой несправедливой критике как отечественных, так и западных социалистов. В «Истории политических учений» первым немецким социалистом, попавшим под огонь его критики, стал Карл Родбертус-Ягцов, политэконом, положивший в основание экономической науки национальный труд, национальный капитал и национальный продукт, считавший разделение труда основой «государственного социализма». В его работах Чичерин не находит ни одного положительного момента. «Построенное им здание есть чистая утопия, т. е. порядок вещей, который никогда не существовал и не может существовать, ибо он противоречит человеческой природе и законам человеческой деятельности» (Чичерин, 1869—1902, V, 87; далее в ссылках на этот том указывается только страница).

Другое дело — Фердинанд Лассаль. Тонкий ум, философская глубина его построений, громадные знания в области юридических наук сочетались у него, считает Чичерин, с политическими фантазиями в духе социализма. Будучи гегельянцем, он подметил у Гегеля ряд недостатков, которые отмечает также и Чичерин. Этим, естественно, он завоевывает симпатии русского политолога. Но Лассаль утверждает материалистическую точку зрения в своих работах о наследственном, приобретенном и римском праве, считает рабочий класс «господствующим началом современного периода всемирной истории», предлагает уравнивать экономическое положение путем экспроприации богатых. Это, как и другие положения социалиста Лассалья, Чичерин как апологет конституционной монархии принять не может.

Не принимает он также и основные идеи К. Маркса. Первые же строки очерка о Марксе настораживают и вызывают недоумение. Чичерин пишет, говоря о Марксе: «Ни по силе ума, ни по таланту, ни по разнообразию сведений, ни по философскому смыслу он не может сравниться с Лассалем, но он сделал то, о чем Лассаль только мечтал: он дал теоретическое построение социальной утопии» (155). Как политический мыслитель и историк политических учений, Чичерин не мог не знать о вышедших в Германии и России трудах Маркса, о его авторитете глубокого ученого и политического деятеля, о его влиянии на русскую социалистическую мысль, особенно в конце XIX в. Все последующее изложение о Марксе осуществлено в столь же отрицательном ключе. Разбирая «Капитал» К. Маркса, русский мыслитель в первую очередь обрушился на его диалектический метод. Материалистическая диалектика Маркса противопоставлялась идеалистической диалектике Гегеля, в которой «умственный процесс олицетворяется под именем идеи и становится творцом действительности, которая является внешним ее выражением. По воззрению же Маркса, истина лежит в действительности, т. е. в материальном мире, все идеальное не что иное, как отраженное и опрокинутое в человеческой голове материальное бытие» (156).

После этого утверждения можно предполагать, считает Чичерин, что диалектика Гегеля явится отрицанием действительности, а диалектика Маркса — ее утверждением, но вышло «наоборот»: диалектика Гегеля «раскрывает положительную сторону существующего и выступает как его защитница», а диалектика Маркса «становится к нему в отрицательное отношение, указывает на необходимость гибели каждой окрепшей формы в потоке движения» (Там же). В данном случае неверной является посылка Чичерина «после этого» и смешение двух понятий — «признание действительности» и «защита действительности», т. е. можно признавать действительность и желать одновременно ее изменения. И наоборот. Однако на основании этих посылок и заявленного ранее уничижительного отношения к Марксу как философу и ученому Чичерин делает вывод, что диалектика Маркса «должна разом служить выражением крайнего материализма и крайнего идеализма; она должна, с одной стороны, брать свою точку опоры в действитель-

ности, считая за истинную свою основу, с другой стороны, отрицать эту самую действительность во имя идеала, обретающегося только в человеческой голове. Карл Маркс, по-видимому, не подозревает, что он служит двум репным божествам... Для человека, знакомого с философией и умеющего скрывать свои мысли, действительно трудно понять, каким образом материализм и социализм могут совмещаться в одной голове. Но в действительности, это довольно обыкновенное явление» (156). Этим утверждением Чичерин, можно сказать, голословно утверждает, что идеальное (идеал социализма) находится только в голове Маркса, и он, пытаясь выдать его за действительность, эту действительность представляет его основой, или, как он пишет, фактический материал в книге Маркса является только придатком к недоказанным априорным положениям: «...в выводе основных положений нет у него и тени фактического доказательства» (157). Удивительно, что, проштудировав все три тома «Капитала», Чичерин не нашел в них доказательств.

Когда К. Маркс ознакомился с критикой Чичерина в свой адрес, он написал Н. Ф. Даниельсону 28 ноября 1878 г.: «Он [Чичерин], очевидно, не знаком с элементарными понятиями политической экономии и воображает, что пошлости Бастиа и его школы, будучи высказаны от его собственного имени, превращаются в оригинальные и непререкаемые истины» (Маркс, Энгельс, 1951, 99).

О своих симпатиях к французскому экономисту Ф. Бастиа, утверждающему гармонию интересов труда и капитала и одновременно отрицающему факт эксплуатации рабочих капиталистами, Б. Н. Чичерин говорил неоднократно (см., например: Воспоминания..., 1929а, 76, 77). Не случайно поэтому основательные научные выкладки К. Маркса по кардинальным проблемам политической экономии, таким как труд, капитал, товар, деньги, прибавочная стоимость и т. п., Чичериным критикуются.

Сам К. Маркс не анализирует систему доказательств и просчеты, а порой и наивность чичеринской критики, но это блестяще, как нам представляется, сделал русский социолог и экономист Н. И. Зибер в большой статье «Немецкие экономисты сквозь очки г. Чичерина» (см. об этом: Зибер, 1900, 610—717). В ней он тщательно разобрал аргументы Чичерина в его статьях о Лассале

и Марксе и показал их научную несостоятельность, а порой и просто экономическую некомпетентность русского критика Маркса. Эта работа является исчерпывающей и как бы закрывающей проблему. Видимо, этим обстоятельством объясняется отсутствие уже в советское время других аналогичных обзоров критики Чичериным «Капитала» Маркса.

Полностью принимая собственно экономическую сторону критики Н. Зибером выступления Б. Чичерина против К. Маркса, хотелось бы обратить внимание на политологические основания возникшей полемики, о которой, кстати, у Н. Зиберы почти ничего не сказано. В конце своей статьи о Марксе русский мыслитель раскрывает эти основания. Его философское и политологическое кредо, изложенное в различных трудах, здесь звучит так же определенно: «Развитие свободы, которое составляет существенное содержание истории и которым определяется сам экономический быт, коренится не в материальных отношениях, а в человеческом самосознании» (Чичерин, 1869—1902, V, 226). Маркс же и его последователи, считает Чичерин, развили «целую систему исторического или экономического материализма, который ныне составляет один из ходячих взглядов на историю. По этой теории, господствующие в человеческих обществах понятия являются лишь отражением существующего общественного строя; последний же зиждется исключительно на экономическом бытии, представляющем известное отношение человека к материальному миру. Это отношение составляет поэтому основное начало исторического развития. Так же, как и материальный мир, к которому он принадлежит, экономический быт подчиняется законам необходимости, в силу которых он развивается в трех ступенях: первая есть первобытное хозяйство, в котором рабочая сила и средства производства находятся еще в непосредственном единении; вторая есть капитализм, в котором они разобщены, наконец, третья есть социализм, представляющий окончательное их воссоединение, но в высшей форме. Вторая ступень есть та, в которой человечество живет в настоящее время; последняя же составляет задачу будущего. Процесс экономического развития ведет к ней неотразимо» (Там же).

Верно поняв и изложив материалистическое понимание истории Маркса, русский философ, однако, утверждает, что это явля-

ется полным извращением истории: «Влияние Маркса в современном мире представляет, можно сказать, самый колоссальный пример человеческой глупости, какой встречается в истории мысли. Объясняется это тем, что когда говорят страсти, разум молчит. И чем более нелепость облекается в туманные представления и прикрывается мнимо-научной фразеологией, в которой никто не в состоянии раскрыть настоящего смысла, тем легче выдавать их за глубокие истины и тем с большею жадностью они воспринимаются умами, не привыкшими связывать понятия» (V, 227). Признавая за факт, что «масса волнуется и увлекается учением Маркса», Чичерин предлагает пойти «с ним на компромисс». Правда, на какой компромисс, он не уточняет. Если же это не поможет, необходимо, на его взгляд, применить против масс силу, ибо «только внешняя сила в состоянии противостоять напору фанатизированных масс» (Там же, 228). Только так может быть завершен, по мнению Б. Н. Чичерина, спор с марксизмом.

Таковы основные оценки и характеристики этого пятитомного труда русского политолога, посвященного истории политических учений. Подводя итог анализу его содержания, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, это фундаментальное исследование, охватывающее двадцатипятивековой опыт политической мысли человечества.

Во-вторых, как в анализе и оценках, так и в симпатиях и антипатиях Б. Н. Чичерин последователен и адекватен основным положениям своих философских и политических взглядов.

В-третьих, бросается в глаза европоцентристская позиция и западническая ориентация автора, поскольку в его «Истории политических учений» не представлены труды политических мыслителей Востока и России.

В-четвертых, этот труд Чичерина требует специального историографического исследования и должен быть, впрочем, как и другие его работы, введен в научный оборот.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Борис Николаевич Чичерин был известным русским историком, правоведом, одним из первых отечественных политологов и социологов. Его анализ и оценки общественно-политической жизни Англии, Франции, России, данные в конкретно-исторической перспективе, верны, как были верны и прогнозы. К примеру, после реформы 1861 г. он выступал против немедленного введения политических свобод (см.: Чичерин, 1862), а после 1878 г., когда самодержавие находилось в кризисе, предлагал перейти к парламентским началам управления (см. об этом: Чичерин, 1906). Были у него и ошибки, связанные с охранительными тенденциями его политологических конструкций. Однако постоянная борьба за политические свободы личности во всем спектре их проведения, борьба за либеральный путь их достижения, ибо «истинный либерализм состоит в требовании для каждого лица права беспрепятственно развивать свои силы и способности» (Чичерин, 1904, 385), отвечали конкретным и коренным потребностям развития общественной мысли и практики пореформенной России. Его интеллектуальный пример, значимость научной позиции, научная и общественная деятельность в духе центризма, его исследования и идеи актуальны и в наше время. В них зачастую находится решение тех проблем, которые стоят перед нами сегодня. Он был противником односторонности, крайних воззрений как в науке, так и на практике. Для него была характерна критика реального самодержавия с его засильем бюрократии, непоследовательностью в проведении реформ. Если он и поддерживал абсолютизм, то только в той мере, в какой тот отвечал национальным традициям и был способен на социальные реформы. Его формула консервативного либерализма для общества и либерального консерватизма для правительства могла, по его мнению, в случае ее реализации обеспечить

конструктивные реформы во всех областях общественной жизни и государственного устройства.

Интеллектуальная биография мыслителя является важным компонентом изучения его теоретического наследия. В ней обнаруживается его становление как ученого и политического мыслителя, формирование основных философских и политических идей, переход на позиции либерализма и защиты конституционной монархии. Б. Н. Чичерин — один из самых значительных русских политических мыслителей второй половины XIX — начала XX в., чьи идеи не были вовремя востребованы.

Политические взгляды Чичерина покоятся на солидной философской основе. Он был последователем и учеником гегелевской философии. Однако на протяжении всей творческой философской деятельности пытался преобразовать гегелевскую философию, снять ее противоречия, приспособить к меняющейся действительности. Для философии Чичерина, являвшейся рационалистическим вариантом объективного идеализма, была характерна борьба с материализмом и позитивизмом, тенденция к системотворчеству. Из философии истории Чичерина с ее апологией свободы и государственности вырастала вся система политических взглядов мыслителя.

Будучи по преимуществу политическим мыслителем, он одним из первых в России определил основополагающие проблемы политической науки, связанные с анализом развития человеческого общества и государства. Политика в его представлении не только наука, «основанная на всестороннем изучении философии права и истории народов», но и практическое искусство, связанное с жизнедеятельностью государства и общества.

Среди важнейших проблем политической науки, в которых он нашел оригинальные решения, были проблемы свободы, власти, государства, в том числе форм правления народного представительства, самоуправления. Как либерал и апологет конституционной монархии, он предложил варианты социально-политического устройства пореформенной России.

Чичерин является одним из первых российских теоретиков партий. Им предложены глубокие и теоретически обоснованные характеристики различных консервативных и радикальных партий,

проанализированы их основания и перспективы развития в российской политической жизни.

Чичерин — выдающийся и непревзойденный до сих пор историк политической мысли. Его пятитомная «История политических учений» является фундаментальным исследованием представлений о развитии государства, политики, права в их ретроспекции. Одной из сторон теоретического наследия Чичерина как историка политической мысли является его критика социалистических учений вообще и марксистской теории в частности, хотя эта критика, особенно критика «Капитала» Маркса, не была на уровне его лучших научных работ, посвященных проблемам государства и права.

Политологическое наследие Б. Н. Чичерина лишь недавно стало объектом научного анализа, свободного от идеологических штампов и оценок. Его несомненная актуальность делает исследование идей Чичерина-политолога перспективной задачей.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов А. И. Обоснование метафизики в русском консервативном гегельянстве // Социальная философия в России в XIX в. М., 1985. С. 93—110.

Алексеев Н. Русский гегельянец Борис Николаевич Чичерин // Логос. 1911. Кн. 1. С. 192—220.

Асмус В. Ф. Консервативное гегельянство второй половины XIX в. // Гегель и философия в России, 30-е годы XIX в. — 20-е годы XX в. М., 1974. С. 176—189.

Б. Н. Чичерин и традиции русской социологии: Материалы межвуз. науч. конф. Тамбов, 1993.

Бабаев Ю. В. Из истории утверждения неогегельянства в России // Вестн. МГУ. Сер. 8, Философия. 1968. № 6. С. 60—68.

Бабаев Ю. В. Неогегельянство в России в конце XIX — начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1968.

Бабицкий Б. Е. Б. Н. Чичерин как буржуазно-либеральный историк русского государства и права // Учен. зап. Белорус. ун-та. Сер. юрид. Вып. 34. 1957. С. 163—196.

Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX — начала XX в. // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 25—40.

Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина: Москва сороковых годов. М., 1929а.

Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина: Московский университет. М., 1929б.

Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина: Путешествие за границу. М., 1932.

Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина: Земство и Московская дума. М., 1934.

Воспоминания Б. Н. Чичерина. М., 1991.

Выдрин Д. И. Борис Чичерин — предтеча российской политологии // Выдрин Д. И. Невостребованные идеи, или Об истоках отечественной политологии. Киев, 1992. С. 5—19.

Вышеславцев Б. Несколько слов о мирозерцании Чичерина // Свободная совесть. Кн. 1. М., 1906. С. 178—190.

Габдулина Н. Либерализм в России: (Историко-философский анализ) // Вестн. высш. шк. 1992. № 7—9. С. 71—76.

Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем. Т. 9. СПб., 1920.

Глушкова С. И. Права человека в истории общественно-политической мысли России (XVIII—XX вв.) // Реформы в России: уральский вариант. Челябинск, 1994.

Гнатюк О. Л. Русская политическая мысль начала XX в. СПб., 1994.

Грязин И. Н. О позитивистской концепции «философии права» в русской дореволюционной юридической литературе // Учен. зап. Тартус. ун-та. 1979. Вып. 465. С. 96—110.

Гульбинский И. В. (Владиславлев). Борис Николаевич Чичерин. Биобиблиографический очерк. М., 1914.

Емельянов Б. В. Запрещение преподавания философии в русских университетах // Емельянов Б. В. Этюды о русской философии. Екатеринбург, 1995.

Ерыгин А. Н. История и диалектика: (Диалектика и исторические знания в России XIX века). Ростов н/Д, 1987.

Ерыгин А. Н. Философия истории русского либерализма второй половины XIX века: (К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин): Автореф. дис. ... докт. филос. наук. Ростов н/Д, 1992.

Жаде З. А. Политическая теория Б. Н. Чичерина: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1994.

Зибер Н. И. Немецкие социалисты сквозь очки г. Б. Чичерина // Зибер Н. И. Собр. соч. Т. 2. СПб., 1900. С. 610—717.

Зорькин В. Д. Взгляды Б. Н. Чичерина на конституционную монархию // Вестн. МГУ. Сер. 12, Право. 1969. № 1. С. 23—30.

Зорькин В. Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX — начала XX века: (Б. Н. Чичерин). М., 1975.

Зорькин В. Д. К вопросу об оценке политических взглядов Б. Н. Чичерина // Вестн. МГУ. Сер. 12, Право. 1967. № 4. С. 67—74.

Зорькин В. Д. Чичерин. М., 1984.

Зорькин В. Н. Воззрения Б. Н. Чичерина на государство и право: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1967.

Искра Л. М. Борис Николаевич Чичерин о политике, государстве, истории. Воронеж, 1995.

Каменский З. А. Тимофей Николаевич Грановский. М., 1988.

Кизельштейн Г. Б. К эволюции историко-политических взглядов Б. Н. Чичерина // История и историки. М., 1965. С. 429—439.

Кизельштейн Г. Б. Политические взгляды Б. Н. Чичерина: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1966.

Китаев В. А. От фронды к охранительству: (Из истории русской либеральной мысли 50—60 годов XIX века). М., 1972.

Клейнборт Л. Б. Б. Н. Чичерин: (Характеристика) // Мир Божий. 1904. № 9. С. 1—9.

Кокарев А. С. Социально-политические взгляды Б. Н. Чичерина: Учеб. пособие. Тамбов, 1994.

Кони А. Ф. Воспоминания о деле В. Засулич. М.; Л., 1933.

Левандовский А. А. Т. Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989.

Леонтович В. В. История либерализма в России, 1762—1914. М., 1995.

Лосев А. Ф. Вл. Соловьев и Б. Н. Чичерин // Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 1990. С. 537—540.

Ляликов Д. Б. Н. Чичерин // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 489—490.

Малинин В. А. Русский неогегельянец Б. Н. Чичерин // Филос. науки. 1961. № 3. С. 160—168.

Маркин А. В., Татарникова С. Н. Редкий в России государственный: О некоторых аспектах творчества Б. Н. Чичерина // Соц.-полит. науки. 1992. № 2. С. 5—19.

Маркс К., Энгельс Ф. Переписка с русскими политическими деятелями. М., 1951.

Медушевский А. Н. Гегель и государственная школа русской историографии // Вопросы философии. 1988. № 3. С. 103—116.

Медушевский А. Н. История русской социологии. М., 1993.

Медушевский А. Н. Общество и государство в русском историческом процессе // Вестн. МГУ. Сер. 12, Право. 1993. № 1. С. 15—30.

Милюков П. Н. Юридическая школа в русской историографии // Русская мысль. 1886. Кн. 6. С. 80—93.

Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991.

Новикова Л., Сиземская И. Идеальные истоки русского либерализма // Обществ. науки и современность. 1993. № 3. С. 124—136.

Новикова Л., Сиземская И. Либеральные традиции в культурно-историческом опыте России // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 67—81.

Осипов И. Д. Философия русского либерализма XIX — начало XX в. СПб., 1996.

Осипов И. Д. Философия русского либерализма, XIX — начало XX в. СПб., 1996.

[От редакции] // Общественные науки и современность. 1993. № 3.

Павлов А. Т. Русские мыслители-идеалисты о социализме // Филос. науки. 1991. № 1. С. 135—145.

Пантин И. К. Драма противостояния: Демократия — либерализм в старой и новой России // Полис. 1994. № 3.

Пивоваров Ю. С. История конституционных идей и проектов в России XVIII—XIX вв. // Русская политическая и правовая мысль XI—XX в. М., 1987. С. 72—114.

Пивоваров Ю. С. Пореформенная Россия: Проблемы целостности политико-правовой культуры // Современные зарубежные исследования политико-правовой культуры России. М., 1988. С. 51—120.

Пивоваров Ю. С. Русские политические мыслители и юристы XIX — начала XX в.: (Сводный реферат) // Там же. С. 170—190.

Платонова М. Г. Некоторые вопросы социологии в трудах Б. Н. Чичерина // Актуальные проблемы истории философии народов СССР. Вып. 6. М., 1979.

Платонова М. Г. О взаимосвязи общественно-политических и философских воззрений Б. Н. Чичерина // Там же. Вып. 7. М., 1979. С. 59—69.

Платонова М. Г. Философско-социологическая концепция Б. Н. Чичерина: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1979.

Поляков А. В., Козлихин И. Ю. Русская политико-правовая мысль и идея правового государства // Власть и право. Л., 1990. С. 3—17.

Приленский В. И. Полемика Б. Н. Чичерина и В. С. Соловьева 1897 г. // Филос. науки. 1989. № 9. С. 69—73.

Приленский В. И. Концепция Б. Н. Чичерина о судьбах русской истории // Философия в России XIX — начала XX в.: Преемственность идей и поиск самобытности. М., 1991. С. 69—79.

Приленский В. И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. Ч. 1. М., 1995а.

Приленский В. И. Б. Н. Чичерин // Сто русских философов: Биографический словарь. М., 1995б. С. 297—300.

Приленский В. И. Б. Н. Чичерин // Русская философия: Словарь. М., 1995в. С. 609—611.

Рагозин Н. П. Проблема власти в политической философии русского либерализма второй половины XIX — начала XX века // Категории политики в истории философии. М., 1984. С. 8—36.

Радлов Э. Л. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1903. Т. 38, А.

Рубинштейн Н. Л. Так называемое государственное направление в русской историографии // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955. С. 338—346.

Русская политическая и правовая мысль XI—XIX вв. М., 1987.

Секиринский С., Филиппова Т. Консерватор от либерализма // Секиринский С., Филиппова Т. Родословная российской свободы. М., 1993. С. 186—197.

Соловьев В. С. Мнимая критика: (Ответ Б. Н. Чичерину) // Филос. науки. 1990. № 2—3.

Соловьев В. С. Необходимые замечания на «Несколько слов» Б. Н. Чичерина // Филос. науки. 1990. № 4. С. 73—75.

Соловьев П. Философия истории Гегеля на службе русского либерализма: (Историческая концепция Б. Н. Чичерина) // Русская историческая литература в классовом освещении: Сб. статей. М., 1927. С. 119—204.

Струве П. Б. Чичерин и его обращение к прошлому // Струве П. Б. На разные темы. СПб., 1902. С. 84—120.

Трубецкой Е. Н. Б. Н. Чичерин как поборник правды о праве // Вестн. права. 1904. № 3. С. 1—16.

Трубецкой Е. Н. Воспоминания. София, 1921.

Трубецкой Е. Н. Учение Б. Н. Чичерина о сущности и смысле права // Вопросы философии и психологии. 1905. Кн. 80. С. 354—381.

Цитович Н. Экономические воззрения Б. Н. Чичерина // Вестн. права. 1904. № 4. С. 49—67.

Чернышевский Н. Г. Чичерин как публицист // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1950. С. 664—669.

Чижевский Д. И. Гегель в России. Париж, 1939.

Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII в. М., 1856.

Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М., 1858а.

Чичерин Б. Н. Очерки Англии и Франции. М., 1858б.

Чичерин Б. Н. Вступительная лекция по государственному праву, читанная в Московском университете 28 октября 1861 года. М., 1861.

Чичерин Б. Н. Несколько современных вопросов: Сб. статей. М., 1862.

Чичерин Б. Н. История политических учений: В 5 т. М., 1869—1902.

Чичерин Б. Н. Немецкие социалисты: В 2 ч.: Ч. 1. Лассаль. Ч. 2. Маркс. [СПб.], 1878.

Чичерин Б. Н. Наука и религия. М., 1879.

Чичерин Б. Н. Мистицизм в науке. М., 1880.

Чичерин Б. Н. Собственность и государство: В 2 ч. М., 1882—1883.

Чичерин Б. Н. Положительная философия и единство науки. М., 1892.

Чичерин Б. Н. Основание логики и метафизики. М., 1894.

Чичерин Б. Н. Курс государственной науки: В 3 ч. М., 1894—1898: Ч. 1. Общее государственное право. М., 1894. Ч. 2. Социология. М., 1896. Ч. 3. Политика. М., 1898.

Чичерин Б. Н. Политические мыслители древнего и нового мира. Вып. 1—2. М., 1897.

Чичерин Б. Н. Реальность и самосознание // Вопросы философии и психологии. 1898. Кн. 44.

Чичерин Б. Н. О народном представительстве. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1899.

Чичерин Б. Н. Метафизика ли наука? // Вопросы философии и психологии. 1900а. Кн. 54.

Чичерин Б. Н. [*Русский патриот*] Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1900б.

Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1900в.

Чичерин Б. Н. Наука и религия. 2-е изд. М., 1901.

Чичерин Б. Н. Вопросы политики: Сб. статей. М., 1903.

Чичерин Б. Н. Вопросы философии: Сб. статей. М., 1904.

Чичерин Б. Н. Конституционный вопрос в России. СПб., 1906.

Чичерин Б. Н. Система химических элементов. Закон химических элементов: В 2 кн. М., 1911.

Чичерин Б. Н. Современные задачи русской жизни // Голоса из России. Вып. 2. М., 1974.

Чичерин Б. Н. О началах этики // Филос. науки. 1989. № 9.

Чичерин Б. Н. Несколько слов по поводу ответа г. Соловьева // Филос. науки. 1990а. № 4. С. 69—73.

Чичерин Б. Н. Свобода в государстве: Политические и социальные идеалы // Власть и право: Из истории русской правовой мысли. Л., 1990б. С. 21—83.

Чичерин Б. Н., Кавелин К. Д. Письма к издателю // Голоса из России. Лондон, 1856. Кн. 1.

Шереметьев П. С. Памяти Бориса Николаевича Чичерина. М., 1904.

Щетинина Г. И. Б. Н. Чичерин — идеолог буржуазного правопорядка // Щетинина Г. И. Идеальная жизнь русской интеллигенции, конец XIX — начало XX в. М., 1995. С. 96—118.

Научное издание

Емельянов Борис Владимирович

БОРИС ЧИЧЕРИН
Интеллектуальная биография
и политическая философия

Редактор и корректор
Компьютерная верстка

Р. Н. Кислых
Н. В. Комардина

Лицензия ИД № 05974 от 03.10.2001. Подписано в печать 22.10.2003.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Уч.-изд. л. 6,36. Усл. печ. л. 6,28. Тираж 200 экз. Заказ 289

Издательство Уральского университета. 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Отпечатано в ООО «ИРА УТК». 620219, Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, 42.